

Международная конференция
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И СЛАВЯНСКИЙ МИР:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Тезисы

Программный совет

Люциан Суханек (Ягеллонский университет, Краков, Польша)
Иво Поспишил (Университет им. Масарика, Брно, Чешская Республика)
Марина Юрьевна Сорокина (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва, Россия)
Наталия Ивановна Голубева-Монаткина (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)
Юрий Алексеевич Горячев (Московский институт открытого образования, Москва, Россия)
Михаил Геннадьевич Денисов (директор Русского дома, Белград, Сербия)
Алексей Борисович Арсеньев (Сербия)
Мирослав Йованович (Белградский университет, Белград, Сербия)
Петр Буняк (Славистическое общество Сербии, Белград, Сербия)

Организационный комитет

Александра Вранеш, декан филологического факультета Белградского университета
Верица Копривица, заведующая кафедрой славистики филологического факультета Белградского университета
Петр Буняк, председатель Славистического общества Сербии
Биляна Марич, первый заместитель председателя Славистического общества Сербии
Вукосава Джапа-Иветич, заместитель председателя Славистического общества Сербии
Елена Гинич, секретарь Славистического общества Сербии
Лука Меденица, секретарь Славистического общества Сербии

Спонсор конференции

ФОНД РУССКИЙ МИР

(Грант № 703Гр/П-097-11 от 29 декабря 2012 г.)

МАПРЯЛ

Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына
Международное педагогическое общество в поддержку русского языка
Славистическое общество Сербии
Филологический факультет Белградского Университета
Русский центр фонда «Русский мир» при филологическом факультете БУ
Русский дом в Белграде

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И СЛАВЯНСКИЙ МИР: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Белград, 10–11 июня 2013 г.

ТЕЗИСЫ

Славистическое общество Сербии
Белград
2013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителей</i>	9
Антанасиевич И. (Сербия), <i>«Ревизор»</i> Алексея Ранхнера: о югославском графическом романе.	11
Арсеньев А.Б. (Сербия), <i>Люди и книги: семья Малининых и их библиотека</i>	11
Белова Т. Н. (Россия), <i>Роль литераторов русского зарубежья в сохранении традиций и обновлении интереса к русской литературе и культуре в послевоенной Америке (1945–1960)</i>	12
Бёмиг М. (Италия), <i>Художник Павел Челищев (1898–1957): от фольклоризма к сюрреализму и абстракционизму</i>	13
Бочарова З.С. (Россия), <i>Правовое положение русских беженцев в Югославии (1920–1930-е гг.)</i>	14
Буняк П. (Сербия), <i>Представители русской эмиграции в роли популяризаторов польской литературы в сербскоязычной среде</i>	15
Васильев Н.Л. (Россия), <i>Россия, Запад и славянский мир в эмигрантской поэзии Н.П. Огарева</i>	15
Голубева-Монаткина Н.И. (Россия), <i>О языковой культуре и национальной самоидентификации русских эмигрантов первой «волны» в конце XX века</i>	16
Горинов М.М. (Россия), <i>Российские врачи-беженцы в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии (1918–1946): микросоциологический анализ</i>	17
Грубмайр И.И. (Хорватия/США), <i>Лингвистический анализ работ Б.Л. Бразоля</i>	19
Дамлянович Д. (Сербия), <i>Лингводидактическое наследие С.М. Кульбакина</i>	20
Джапа-Иветич В. (Сербия), <i>Педагогическая деятельность Лидии Александровны Шпис-Мирной</i>	21
Ёхина Н.А. (Россия), <i>Интегративная идеология пореволюционной российской эмиграции 1930-х годов: религиозный аспект</i>	21
Жаравина Л.В. (Россия), <i>«Из глубины воззвах...»: к вопросу о единстве литературы зарубежья и метрополии</i>	22
Жданова Г.В., Миронов А. В. (Россия), <i>Культура и наука русского зарубежья</i>	23
Ипатова И.С. (Россия), <i>«Русский мир»: пространство и время</i>	24
Ичин К. (Сербия), <i>Петроград конца 1919 года в записках Ольги Вендрых</i>	25

Кадоло Т.А. (Россия), <i>Компонентный анализ: вклад Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона</i>	25
Казаков Г.А. (Россия), <i>М. В. Агапов-Таганский и его вклад в культуру стран бывшей Югославии</i>	26
Компанец В.В. (Россия), <i>Православный опыт русского эмигранта как оценочный критерий: творческое содружество И.А. Ильина и И.С. Шмелева</i>	27
Кончаревич К. (Сербия), <i>Русские монахи в сербских монастырях в период между двумя мировыми войнами</i>	28
Косанович Б. (Сербия), <i>Первоиерархи русской православной церкви за границей о религиозности А.С. Пушкина</i>	28
Косинова О.А. (Россия), <i>Православная воспитательная традиция как основа единства и межкультурного взаимодействия русского зарубежья и славянского мира в 1920 – 1930-е гг. (на примере русского зарубежья в Китае)</i>	29
Кудрявцева Е.Л. (Германия), <i>Русскоязычные центры дополнительного образования в Германии 20го-21го столетия (Обзор)</i>	30
Кузнецова О.Н. (Россия), <i>Русский экономический кабинет в Белграде и Экономический кабинет проф. С.Н. Прокоповича в Праге: создание и сотрудничество</i>	30
Лапаева Н.Б. (Турция), <i>Балканские страны, Чехия, Польша в литературных судьбах русских эмигрантов-эмигрантов первой волны</i>	31
Лесневская Д.С. (Болгария), <i>Русское зарубежье в эпоху глобализации</i>	32
Мальцев Л.А. (Россия), <i>Н.А. Бердяев и М. Здзеховский: русский и польский взгляд на конец истории</i>	32
Манова И.И. (Болгария), <i>Вклад профессора Г.А. Тагамлицкой в развитие болгарской русистики</i>	33
Манчев В.С. (Болгария), <i>Преподаватель Софийского университета Андрей Петрович Евдокимов</i>	34
Матевосян Л.В. (Армения), <i>Русский язык в образовательном пространстве Армении</i>	34
Межинская-Милованович Е.К. (Сербия), <i>Русские художники-эмигранты в Сербии: русские источники – сербские параллели. Согласование с актуальными течениями в современном сербском изобразительном и прикладном искусстве</i>	35
Минеева И.Н. (Россия), <i>Эмиграция, культурный трансфер, культурные конвергенции: к определению понятий</i>	36
Мрджа И. (Сербия), <i>Василий Немирович Данченко: переписка с Александром Беличем</i>	36
Николич Н. (Сербия), <i>Балетный ангажемент Нины Кирсановой на сцене Национального театра в Белграде</i>	36
Палибрк-Сукич Н. (Сербия), <i>Русско-югославский альманах. Издание Русско-югославского сообщества в г. Панчево</i>	37
Поляков Д.К. (Россия), <i>Русская эмиграция о Советском Союзе: путевые заметки Надежды Мельниковой-Папоушковой "Россия вблизи и издалека" (Прага, 1929)</i>	38

Попов А.В. (Россия), <i>Архивное наследие русского зарубежья, как составная часть зарубежной архивной россики</i>	39
Родионова Н.А. (Россия), «Что пройдёт, то будет мило»: трансформация быта Шуменской гимназии в бытиё в эпистолярном наследии её выпускников	40
Сабо Б. (Сербия), «Жизнь человека» Л. Андреева в постановке Ю. Ракитина (на материале белградской периодики).	41
Скрунда В.С. (Польша), «Меньшинственная идея» и русская очерковая литература в межвоенной Польше (30-е годы)	41
Солнцева-Накова Е.В. (Болгария), Деятельность русских эмигрантских организаций в Болгарии в конце 1920-х – середине 30-х гг.	42
Сорокина М.Ю. (Россия), Русская эмиграция, зарубежье или диаспора? О трансформации понятий в современной российской историографии	42
Стоянова Е.В., Ангелова Р. Ж. (Болгария), Русская гимназия в Шумене и традиции преподавания русского языка в Болгарии	44
Стрепетова Г.И. (Россия), Кинообраз поэзии Николая Туроверова в современном российском документальном кинематографе	44
Суровцева Е.В. (Россия), Критико-литературные штудии русских религиозных мыслителей-эмигрантов (митрополит Антоний Храповицкий, Н.Е. Андреев, И.М. Андреевский)	45
Суханек Л. (Польша), Место антропологии в эмигрантологических исследованиях	46
Тарасьев А.В. (Сербия), Русские духовники в Сербии в межвоенный период (1920–1940 гг.).	47
Терзич Б. (Сербия), Роль Ксении Михайловны Марчетич (1895–1978) в процессах обучения русскому языку в Сербии после Второй мировой войны	47
Трибунский П.А. (Россия), Становление школы руссиеведения при Ливерпульском университете и российское научное зарубежье	48
Тяпков И.С. (Россия/Сербия), «Есмь славянин и пребуду им»: славянское единство в творчестве К. Бальмонта периода эмиграции	48
Ульянкина Т.И. (Россия), Зоологический семинар проф. М.М. Новикова в Праге.	49
Успенская Э. (Сербия), Достоевсковедение русского зарубежья и его рецепция в среде сербского литературного авангарда.	50
Хисамутдинов А. А. (Россия), Российская эмиграция в азиатско-тихоокеанском регионе (АТР): к вопросу о терминологии	51
Цонева Л. (Болгария), Отражение темы новой эмиграции в современном медиадискурсе	51
Чурич Б. (Сербия), Записки Русского научного института в Белграде	52
Шаханова А. А. (Россия), «За известность на художественном прищипе...»: Штрихи к биографии Л.М. Браиловского (1867–1937) по материалам русских архивов	53

- Шпекуляк М. (Хорватия), *Опыт хорватского Общества русского языка и культуры в ознакомлении хорватских граждан русской национальности с хорватским языком и хорватской культурой* 54
- Элиаш А. (Словакия), *Научная и педагогическая деятельность представителей русского зарубежья на философском факультете Университета им. Коменского в Братиславе* 55

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В настоящем сборнике – рабочем материале конференции «Русское зарубежье и славянский мир: культурологический аспект» (Белград, 10–11 июня 2013) – печатаются тезисы докладов всех участников, в том числе заочных, которые доставили их Оргкомитету до 20 мая 2013 г.

Белград, 24 мая 2013 г.

Оргкомитет

Антанасиевич Ирина
Белградский университет
филологический факультет
Белград, Сербия

«РЕВИЗОР» АЛЕКСЕЯ РАНХНЕРА: О ЮГОСЛАВСКОМ ГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Исследование механизма появления и развития рисованного романа как феномена эстетической природы, который являет собой художественный синтез визуального мышления и нарративной культуры, представляет собой процесс сложный и одновременно актуальный. Цитата Б. Сапунова: «Наша культура как бы возвращается от «гуттенберговской» цивилизации, основанной на книге, к «цивилизации картинки», где ведущую роль начинает играть визуальное восприятие»,¹ верна еще и потому, что требует от исследователя нового подхода- исторического анализа этого явления. Исследование истории соединения текста и изображения, анализ процессов и явлений прошлых лет позволяет нам не только найти верный подход при определении и детерминации нынешних литературных форм, но и уяснить себе природу механизма, требующего включения перцепции, которая воспринимается ныне как форма эстетического подхода в художественном воплощении идеи.

Исследование истории (русского) рисованного романа возникшего на территории Югославии, причем исследование в рамках русской, югославской и европейской визуальных культур представляет собой тот необходимый подход к исследованию современности посредством прошлого, который позволяет на некоторые процессы посмотреть под иным углом и с новых позиций.

Арсеньев Алексей Борисович
Нови Сад, Сербия

ЛЮДИ И КНИГИ: СЕМЬЯ МАЛИНИНЫХ И ИХ БИБЛИОТЕКА

Историки русской эмиграции мало исследовали жизненные перипетии отдельных представителей русской интеллигенции, обосновавшихся в Королевстве СХС – Югославии. Чаще изучалась их профессиональная деятельность и вклад в югославскую науку, хозяйство, искусства. Редко удается проникнуть в личную, семейную жизнь этих людей и узнать их судьбу.

Недавно нам представилась возможность познакомиться с семейным архивом и содержанием библиотеки, сохранившихся на квартире семьи видного русского педагога, Ивана Михайловича Малинина (1883, Одесса – 1961, Пловдив), директора Русско-сербской смешанной (1925–1930) и мужской (1930–1942) гимназий в Белграде.

На основании личных документов восстановлен жизненный путь семьи Малининых. Полностью приводится автобиография И.М. Малинина и тексты

¹ Сапунов, Б.Н., «Религия и телевидение (Их взаимодействие в культуре)», *Культурология* (1996) 1, 50–57.

нескольких официальных бумаг, предопределивших судьбу семьи (одновременно характеризующих «дух эпохи»).

Второй раздел содержит обзор русских книг богатой семейной библиотеки, дающий возможность узнать интересы владельцев, но и происхождение ряда книг этого собрания, так как в военные и послевоенные годы дом Малининых оказался не только временным убежищем некоторым белградцам, а и убежищем спасенных книг, ранее хранящихся на полках Русской публичной библиотеки и библиотек русско-сербских гимназий при Русском доме императора Николая II в Белграде.

Белова Татьяна Николаевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
филологический факультет
Москва, Россия

РОЛЬ ЛИТЕРАТОРОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В СОХРАНЕНИИ ТРАДИЦИЙ И ОБНОВЛЕНИИ ИНТЕРЕСА К РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ В ПОСЛЕВОЕННОЙ АМЕРИКЕ (1945–1960)

1940-е годы становятся новой фазой в культурно-литературном отношении для всего русского зарубежья – центр русской литературной миграции перемещается в США: его столицей оказывается Нью-Йорк – средоточие духовной жизни русских переселенцев. К началу 1940-х годов из Франции в США переезжает часть представителей русской литературной эмиграции первой волны, обладавших огромным культурным потенциалом и большим литературным опытом. Это событие стало благоприятным фактором для упрочения духовных связей русской диаспоры в США, утверждения и сохранения там русской культуры, русского языка и русской литературы. Ими уже в 1942 году были созданы два крупных литературно-художественных и общественно-политических журнала: «Новоселье» и «Новый журнал», который стал продолжением парижских «Современных записок»; позже, в 1953–1958 годах выходит журнал «Опыты», консолидирующий литературные силы эмиграции второй волны.

Другой формой объединения литераторов-эмигрантов в США было издание сборников-альманахов: «Ковчег» (1942), «На Западе» (1953), «Воздушные пути» (1960–1967). Эмигранты второй волны, переехавшие в США из Германии: И. Елагин, О. Анстей, И. Чиннов, Н. Моршен, Б. Нарциссов, Л. Ржевский печатались также в антологиях второго по значимости в эти годы мюнхенского центра русского зарубежья, как то: «Литературное зарубежье» (1958), «Муза диаспоры» (1960), альманахи «Мосты» (1958–1970).

В 1952–1956 годах в Нью-Йорке интенсивно работало самое крупное издательство русской книги в США им. А.П. Чехова, которое выпускало как произведения русской классики, так и стихи и прозу писателей-эмигрантов. Для сохранения литературного наследия и популяризации на Западе произведений поэтов, запрещенных в СССР, Г.П. Струве вместе с Б. Филипповым, представившим уже вторую волну эмиграции, издали в 1960-е годы собрание сочине-

ний О. Мандельштама, Б. Пастернака, А. Ахматовой, Н. Клюева, Н. Гумилева, стихи Н. Заболоцкого.

Популяризаторская, книгоиздательская и научно-преподавательская деятельность в области русской литературы представителей первой и второй волн русской эмиграции, их критические и литературоведческие работы, публиковавшиеся в США в 1940 – 1950-е годы и позднее, стали катализатором интереса к русской литературе, а затем и бурного подъема американской литературоведческой русистики в 1960 – 1970-е, сопровождаемого созданием славистических ассоциаций, русских отделений и центров по изучению русистики в известных американских университетах и колледжах.

Бёмиг Михаэла

Неаполитанский университет «Л'Ориентале»
факультет литературоведения, языковедения и компаративистики
кафедра русского языка и литературы
Неаполь, Италия

ХУДОЖНИК ПАВЕЛ ЧЕЛИЩЕВ (1898-1957): ОТ ФОЛЬКЛОРИЗМА К СЮРРЕАЛИЗМУ И АБСТРАКЦИОНИЗМУ

В докладе рассматривается творческий путь Павла Челищева в долгие годы эмиграции и странствования по Европе и Америке, начиная с 1920 г., когда художник был эвакуирован в Константинополь, до его смерти в 1957 г. в городке Фраскаги около Рима.

Как почти все русские художники за границей, Челищев начал свою деятельность в качестве театрального декоратора, сотрудничая с балетными ансамблями и театрами миниатюр в Константинополе, а затем в Берлине. С самого начала его работы отличались от произведений других художников русской диаспоры своеобразным «геометрическим экспрессионизмом».

В 1923 г. Челищев поселился в Париже, где стал одним из организаторов группы «неоромантиков» или «неогуманистов», в рамках которой сформировалась особая стиливая разновидность сюрреализма.

В начале 1930-х гг. Челищев переехал в Соединенные Штаты и поселился в Нью-Йорке. За более чем двадцать лет работы в Америке художник усовершенствовал свою стилистическую манеру, которую можно назвать «органическим сюрреализмом». В 1930-1940 гг. он написал такие шедевры, как «Явление», первую часть будущего триптиха «Ад-Чистилище-Рай», и «Игра в прятки».

Яркая индивидуальность художника более всего выразилась в его живописной серии 1940-х гг.: это «внутренние ландшафты» в стиле «анатомического сюрреализма». В этих композициях художник, по его собственным словам, сначала увлекался «тройной перспективой», а затем «перспективой внутренней», представляя человека изнутри.

В свои парижские и американские годы Челищев продолжал работать для балетных ансамблей, сотрудничая с балетмейстерами Мясиным и Баланчинным.

В 1952 г. Челищев получил американское гражданство и в том же году переселился в Италию, где прожил до смерти. Его стиль постепенно становился все более абстрактным: человеческие головы или тела на его полотнах превращались в прозрачные паутинообразные ткани или провололочные переплетения

сложных геометрических конфигураций. До конца жизни художник работал над заключительной частью триптиха «Ад-Чистилище-Рай», к которой он приступил еще в начале 1940-х гг., но которая так и осталась незаконченной.

Бочарова Зоя Сергеевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
факультет глобальных процессов
кафедра ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем
Москва, Россия

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ЮГОСЛАВИИ (1920–1930-е гг.)

Правовое поле российской эмиграции регулировалось на международном и национальном уровнях. В 1921 г. при Лиге Наций был создан верховный комиссариат по делам русских беженцев во главе с Ф.Нансеном. Практика применения формирующегося международного и национального права в отношении беженцев отличалась разнообразием в различных странах.

С прибытием российских беженцев в КСХС правительство дало им официальное название «русских избеглиц», не признающих советской власти¹. Бывшие подданные Российской империи, хотя и рассматривались как иностранцы, но для них предусматривался целый ряд исключений, льгот, тем самым устанавливался особый статус.

Можно выделить следующие основные направления деятельности правительства по урегулированию положения и адаптации русских эмигрантов на протяжении 1920-1930-х годов. 1. Визовый режим, вопросы передвижения как внутри страны, так и за/в ее пределы, свобода выбора места жительства. 2. Решение формальных проблем: получение вида на жительство, выдача тех или иных удостоверений личности, в том числе нансеновских паспортов, отношение к имевшимся на руках у «избеглиц» документам, выданных царским, Временным, белогвардейскими правительствами, сохранившимися русскими консулами, равно как и консулами в Белграде и Загребе. 3. Создание и деятельность Державной комиссии. 4. Административные высылки за пределы страны. 5. Взаимоотношения властей с российской дипломатической миссией. 6. Трудоустройство беженцев и социальная политика по отношению к ним. 7. Лишение бесподданных русских тех или иных гражданских прав и попытки вовлечь русских в политическую жизнь страны. 8. Предоставление беженцам возможности получить образование. 9. Стимулирование натурализации россиян. Однако архивные материалы позволяют утверждать, что при лояльном государственном подходе к разрешению беженских проблем, реализация политики на местном административном уровне не всегда способствовала безболезненной адаптации россиян.

¹ Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919-1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 22.

Эмигрантские организации выполняли компенсаторную роль в формировании правового поля эмиграции.

Буняк Петр

Белградский университет
филологический факультет
кафедра славистики
Белград, Сербия

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В РОЛИ ПОПУЛЯРИЗАТОРОВ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СЕРБСКОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ

Сообщение посвящается вкладу представителей русской эмиграции первой волны в крайне ограниченную область сербской культуры межвоенного периода, какой является популяризация польской литературы. Речь пойдет о многочисленных статьях журналиста и литературного критика А. А. Сидорова (1864–1931) и ученого-филолога А. Л. Погодина (1872–1947), писавших о польской литературе на сербском языке, также как и о К. Ф. Тарановском (1911–1993) в роли переводчика с польского на сербский язык.

Несмотря на то, что этот вклад едва ли можно назвать значительным, автору сообщения эти факты служат иллюстрацией более широкого явления в этой области, а именно использования сербскими переводчиками русских переводов произведений польской литературы в качестве подлинников. При этом аксиологическая пирамида, сложившаяся в ходе рецепции польской литературы в дореволюционной русской культуре, существенно влияла на выстраивание критериев при подборе произведений для перевода на сербский язык. В этом усматривается действительное влияние – хоть и в одном только небольшом сегменте – культурных образцов, привезенных с собой русскими эмигрантами первой волны, на приютившую их инославянскую среду.

Васильев Николай Леонидович

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
филологический факультет
кафедра русского языка
Саранск, Россия

РОССИЯ, ЗАПАД И СЛАВЯНСКИЙ МИР В ЭМИГРАНТСКОЙ ПОЭЗИИ Н.П. ОГАРЕВА

Н.П. Огарев (1813–1877) – один из первых русских эмигрантов, чья творческая судьба во многом определялись либеральными, антимоноархическими и антикрепостническими взглядами. Поэт, публицист, близкий друг А.И. Герцена, он занимал суверенную позицию и как человек, и как литератор. В год 200-летия со дня рождения Огарева уместно напомнить об этом писателе, в частности проанализировать его произведения с точки зрения эволюции лирического сознания поэта в контексте отрыва от Родины, что ранее не осмыслялось.

Естественно было бы ожидать от Огарева односторонней критики России в условиях более прогрессивного в плане общественных свобод Запада. Однако

в его поэзии наблюдается паритет в оценке социальных достижений России и Запада: сочувствие беднейшим слоям Англии («<Е.Ф.>Коршу», 1856), критика европейских монархий и правительств («Восточный вопрос в панораме», 1869; «Моя биография (первое отделение)», 1871–1873; «Свидание», 1875), разочарование в представлении о рациональности политического устройства западных цивилизаций («Франция», 1858; «Didaktisch», 1858), предчувствие грядущих новых варваров («К <В.А.Панаеву>», 1858), метафизическое ощущение лирическим героем своей бесприютности, неблагополучия в любых культурологических координатах («Ночь», 1857; «Моцарт», сер. 1860-х; «Es kommt mir spanisch vor», до 1874; «Пустынник (Старческая дума)», 1876) – и вместе с тем нескрываемая тоска по «родным степям» на фоне равнодушного, если не сказать снисходительного, отношения к западноевропейским пейзажам («Ночь», 1857; «Летом», 1858; «Юмор», ч. 3, 1873), надежды, что именно в России начнется возрождение подлинной гуманности («Современное (Посвящено русским школьникам)», 1871).

Обращает на себя также внимание наметившаяся в лирике Огарева панславистская ориентация («Кн. Черкасскому», 1858; «Il giorno di Dante», 1865; «Размышления русского унтер-офицера перед походом», 1869).

Голубева-Монаткина Наталия Ивановна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Высшая школа перевода (факультет)

Кафедра теории и методологии перевода

Москва, Россия

О ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ И НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ «ВОЛНЫ» В КОНЦЕ XX ВЕКА

Результаты полевых исследований русской эмигрантской речи в 1990-х гг. во Франции и Канаде свидетельствуют о глубоких изменениях в русском языке и национальном самосознании (самоидентификации) представителей эмиграции первой «волны», происшедших за почти семь десятилетий ее существования вне России. Как представляется, подобные изменения свойственны русскому языку и национальному самосознанию представителей этой эмиграции также и в других странах.

Под влиянием длительной оторванности эмигрантов от страны основного бытования русского языка и столь же долгого их погружения в иноязычную среду существенно трансформировался тот язык, который они вывезли из России (это была литературная норма конца XIX-начала XX вв.) и для сбережения которого в эмиграции были сделано столь много. Конкретные особенности русской эмигрантской речи, рассматриваемые в докладе, обусловлены целым рядом факторов, среди которых, в частности, принадлежность к определенному поколению эмиграции, уровень и характер образования, обучение в эмигрантских учебных заведениях, профессия, принадлежность к православию. Эмигранты не знакомы с русской разговорной речью, «обслуживающей» в современной России сферу неофициального (семейного, дружеского) общения. Анализ реального языкового поведения представителей данной эмиграции по-

казывает, что они отдают предпочтение «местному» языку (это обусловлено, в частности, их недостаточной компетентностью в языке русском).

Представители самого первого поколения послереволюционной эмиграции считают себя безусловно русскими, «русскими, живущими во Франции», представители поколения второго называют себя «французами русского происхождения», «русскими канадцами», полагают, что обладают двумя культурами, и отмечают, что они как бы «сидят между двух стульев» (демонстрируя таким образом свою биэтническую идентичность). Представители третьего поколения – это уже французы и канадцы, говорящие на выученном в школе, вузе русском языке.

Горинов Михаил Михайлович

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына
Москва, Россия

РОССИЙСКИЕ ВРАЧИ-БЕЖЕНЦЫ В КОРОЛЕВСТВЕ СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ / ЮГОСЛАВИИ (1918–1946): МИКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

После 1917 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. – Королевство Югославия) стало одним из центров российской эмиграции. Молодое государство крайне нуждалось в специалистах с высшим образованием, в том числе во врачах, значительные потери которых в прошедших войнах отразилась на состоянии медицины. В этой ситуации появление в Королевстве СХС врачей из России имело важное значение. По мнению историков, общее количество российских врачей-беженцев на всей территории Королевства составляло нескольких сотен человек¹. На территорию современных Сербии и Черногории прибыли около 440 врачей из России². Работая с Мариной Юрьевной Сорокиной над проектом «Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918–1946)», нам удалось на основании архивных источников российского происхождения воссоздать биографии 190 медиков, анкеты которых отложились в Архиве Югославии. На основании этих биографий я попытался нарисовать микросоциологический портрет эмигрировавших в Югославию российских врачей. Большинство из них (118 человек) – мужчины, а 72 (38%) – женщины. Большая часть этих медиков была рождена во 2-й половине 1880-х – 1-й половине 1890-х гг. XIX в. Работая в КСХС в межвоенный период, они находились в расцвете своих сил и деятельности. Почти все эти врачи имели высшее образование. Восемьдесят один человек из них окончил высшие учебные заведения Российской империи. Девяносто один человек получил высшее образование

¹ Васильев К.К. Эмиграция российских врачей в Королевство сербов, хорватов и словенцев (в Югославию) // Проблемы социальной гигиены и народного здравоохранения. 2006. №1. С. 59; Литвиныченко С. Руски лекари у Србији и Црној Гори. Београд, 2007. С. 118-119.

² Арсеньев А.Б. Жизнь русских эмигрантов в Сербии // Новый журнал. 2010. Кн. 259. С. 155-156.

уже в КСХС. Помимо высшего образования, российские врачи обладали высоким уровнем общего развития, владели несколькими иностранными языками.

Исследуя биографии российских медиков, удалось выяснить, что треть из них (34 %) служила на медицинском поприще еще до эмиграции. Это земские и военные врачи, а также четыре доктора медицины (профессора А.И. Игнатовский, С.Н. Салтыков, С.К. Софотеров, педиатр А.А. Солонский). Большинство из взятых в рассмотрение медиков (66%) начали свою врачебную деятельность уже в эмиграции. В этой группе выделяются две основные категории. Первая – это лица, родившиеся в Российской империи и закончившие российские высшие учебные заведения к моменту начала революционных событий 1917 г. Некоторые из них успели поучаствовать и в Белом движении в годы Гражданской войны. Их врачебная практика начинается с начала 1920-х гг. уже в КСХС. Вторая категория – это лица, также родившиеся в Российской империи, но успевшие закончить в ней только средние учебные заведения и получившие высшее образование уже на территории КСХС, в Белградском и Загребском университетах.

В начале 1990-х гг. в научной литературе высказывалось предположение, что не менее 50% российских беженцев были по происхождению украинцами³. Однако при подсчете родившихся врачей по каждой губернии бывшей Российской империи оказалось, что выходцы из тех регионов, которые входят в состав современной Украины, составляли лишь 33 % от общего количества эмигрировавших врачей.

Прослеживая территориальное размещение 190 российских врачей, было обнаружено, что на территории только Сербии (в современных границах) работало 72 человека, только Хорватии – 24, Македонии – 11, Словении – 5, Черногории – 1, Боснии – 2. Итого – 115 человек. А 75 человек в течение своей жизни работали на территории не одного, а двух и более регионов. Больше всего медиков находилось на территории Сербии и Хорватии. При этом мобильность российских врачей была достаточно высока, поскольку, даже пребывая в течение тридцати лет в одном регионе (например, в Сербии) они недолго засиживались на одном месте работы.

Из 190 исследуемых врачей-беженцев больше всего было врачей-специалистов разных профилей – 103 (54%). Преобладали терапевты и стоматологи. Наибольшее количество врачей-специалистов было принято в гражданские и военные учреждения крупных городов Королевства СХС: Белграда, Загеба, Сараево, Скопье, Любляны. Остальные специалисты трудились в амбулаторно-поликлинических, больничных и санаторных учреждениях небольших городов и местечек. Врачи-специалисты были востребованы во всех регионах Королевства СХС, но в Сербии заметно преобладание гинекологов, невропатологи работали в основном в Хорватии, а эпидемиологи были наиболее необходимы в Македонии.

Почти половину (46%) из рассматриваемых медиков составляли врачи общей практики. Они оставили значительный след своей работой в амбулаториях, на здравоохранительных станциях и в так называемых «здравственных задругах» (здравеохранительных кооперативах/товариществах) в небольших

³ Козлитин В.Д. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919-1923) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 12.

селах и местечках. Некоторые из российских врачей работали в Домах здоровья, которые располагались только в городах; кроме врачей общей практики в них работали отдельные врачи-специалисты. Заметным было участие российских медиков в органах социального обеспечения, в частности, в Окружной канцелярии обеспечения рабочих.

67 из 118-ти (57%) взятых в исследование врачей-мужчин состояли в КСХС на военной службе. В основном, это были те, кто служили военными врачами по контракту. Контрактники работали по договору от трех до пяти лет, после чего переходили на гражданскую службу. Однако немало врачей оставались в армии дольше: 10 и даже 20 лет. Значительная часть российских медиков находилась на военной службе только в период Второй мировой войны: в составе Югославской королевской армии или Народно-освободительной армии Югославии.

Как показывают собранные биографические данные, большинство российских врачей приняли югославское гражданство и оставались на территории Югославии и после Второй мировой войны. Лишь немногие поселились в других государствах: три человека – в США, трое – в Латинской Америке, двое медиков уехали в Советский Союз.

Большинство российских врачей были людьми семейными. 53% мужчин-эмигрантов было женато на русских женщинах, а 36% – на уроженках КСХС. Их жены в основном были учительницами и врачами по профессии. В отличие от мужчин, российские женщины-эмигрантки реже выходили замуж за представителей местного населения КСХС. Так, из 72-х женщин-эмигранток 71 % были замужем за русскими и только 13 % – за уроженцами КСХС. По профессии их мужья были в основном врачами и инженерами, а также чиновниками, преподавателями, агрономами. Дети или внуки некоторых из российских врачей унаследовали их профессии.

Коллективный микросоциологический портрет российских врачей-беженцев, нашедших приют и поддержку в Королевстве СХС / Югославии, представленный в настоящем докладе, конечно, далек от исчерпывающего. Однако намеченные контуры бытования медицинского профессионального сообщества, безусловно, внесут свой вклад в историю изучения многогранной жизни и деятельности российской диаспоры в балканских странах.

Грубмайр Инна Ивановна

Пушкинское общество в Америке

Культурный центр-архив русской и украинской эмиграции

им. Е.И. Лодыженской (Нью-Йорк)

Загреб, Хорватия / США

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАБОТ Б.Л. БРАЗОЛЯ

В данной работе впервые подвергаются лингвистическому анализу две статьи Б.Л. Бразоля, основателя и многолетнего председателя Пушкинского общества в Америке: обращение к читателям нью-йоркской газеты «Россия» (21 янв. 1935 г.) и «Речь, произнесенная 24 января 1937 г., в Интернационал Хауз, в

Нью-Йорке, на Торжественном собрании, посвящённом памяти А.С. Пушкина, устроенном Пушкинским Комитетом в Америке».

Целью работы прежде всего является анализ семантического пространства текстов и определение базовых концептов, которых здесь два - Пушкин и родина. Кроме того, рассматривается структурная и коммуникативная организация текстов.

Результаты исследования показывают, что для русских, «в рассеянии сущих», образ Пушкина оказывается тесно сплетённым с образом потерянной родины. Кроме того, образ поэта становится идеей национального объединения русских в Зарубежье, что возлагает на него особую миссию – стать для миллионов осиротевших людей воплощением утраченной отчизны.

В работе подробно анализируются языковые средства, используемые автором для раскрытия замысла. Основным приёмом актуализации содержания является концентрация смысла в довольно небольших по объёму текстах. Этому служит и выбор лексики, придающей живость стилю и восприятию излагаемого. Тексты богаты логико-семантическими (различными типами повторов) и прагматическими (эпитетами, сравнениями и др.) связями. Что касается грамматических средств, здесь в равной степени используются глаголы как прошедшего, так и настоящего времени, в зависимости от темы: произошедшая в России катастрофа или непреходящая ценность Пушкина.

Актуальность работы заключается в том, что она представляет публике редкие материалы из архива Пушкинского общества в Америке, охватывающие обширный диапазон вопросов взаимодействия языка и общества, которые могут быть интересны не только историкам и лингвистам, но и широкому кругу читателей.

Дамлянович Дара

Белградский университет
философский факультет
Белград, Сербия

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ С.М. КУЛЬБАКИНА

Среди представителей русской науки в эмиграции первых десятилетий XX века одно из самых заметных мест принадлежит академику Степану Михайловичу Кульбакину (1873–1941) – языковеду, филологу и профессору славянской филологии Харьковского университета. По вкладу в исследование славянских языков (древнецерковнославянского, церковнославянского, русского, польского, сербского, украинского, болгарского) ему мало найдется равных среди своих современников. Этот широко образованный филолог-славист, один из лучших учеников А.А. Кочубинского (1845–1907), ученик Ф.Ф. Фортунатова (1848–1914), получивший прекрасную подготовку в области славянского языкознания, а позднее следовавший традициям русского языкознания, оказался ярким и самобытным представителем русского языкознания в Сербии и во всем славянском мире. Научные труды Кульбакина были известны у нас задолго до его эмиграции. В сербском журнале *Просветни гласник* (1901, с. 772–773) был опубликован отзыв В. Бабич об одной из первых научных работ Кульбакина: «Материалы для характеристики среднеболгарского язы-

ка», изд. РАН, 1900; его статьи печатались в журнале *Јужнословенски филолог* с первого номера (1913 г.). В эмиграции Кульбакин продолжает свою научную и преподавательскую работу. С 1920 г. он преподает славянскую филологию, церковнославянский язык, старославянский язык в Университете в Скопье, а в 1924 году становится профессором Философского факультета Белградского Университета, преподает старославянский язык и славянскую палеографию. Библиография работ Кульбакина составляет свыше 150 наименований, примерно две трети которых принадлежат «сербскому периоду» его жизни и творчества, хотя его фундаментальные работы вышли в свет в России.

В настоящем сообщении особое внимание уделяется лингводидактическому наследию великого ученого и профессора. Приводятся результаты анализа концепции учебников Кульбакина, опубликованных в Сербии: *Краткая сербская грамматика для русских*, 1920, 2-е изд. 1922; *Русский народный и литературный язык*, 1925; *Руска граматика за седми и осми разред реалних гимназија*, 1929; *Старословенска граматика*, 1930. На основе анализа данных учебников выявляются основные лингводидактические взгляды их автора.

Джапа-Иветич Вукосава

Белградский университет
филологический факультет
кафедра славистики
Белград, Сербия

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИДИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ШПИС-МИРНОЙ

Лидия Александровна Шпис-Мирная (Киев 1913 – Белград 1990) на кафедре славистики философского, позднее филологического факультета Белградского университета в качестве преподавателя русского языка работала тридцать лет, начиная с 1948 года. Для студентов-русистов она вела практические занятия по фонетике, морфологии, словообразованию, фразеологии. Все студенты славистики запомнили ее как прекрасного преподавателя, выдающегося специалиста и большого знатока, как родного русского, так и сербского, французского, немецкого, английского языков. Она является автором нескольких учебников, среди которых особо выделяются следующие два учебника: 1. *Руски у 100 лекција / Лидија Шпис и Босилка Гавела*. – Београд : Просвета, 1960. – 287 стр. и 2. *Руски језик и књижевност : за IV разред гимназије друштвено-језичког смера : (осма година учења) / Милосав Бабовић, Лидија Шпис*. Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 1963. – 182 стр.

Ёхина Наталья Александровна

Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына
Москва, Россия

ИНТЕГРАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1930-х гг.: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ.

Формирование пореволюционной идеологии берет свое начало еще до того, как победа большевиков гражданской войне определила судьбу страны и, вы-

нужденные покинуть Россию, представители интеллектуальной элиты, принадлежащие к разным партиям и течениям, уже в эмиграции начали разрабатывать разного рода синтетические, компромиссные по отношению к большевизму теории, получившие название пореволюционных.

Понятие пореволюционности было введено Н.А. Бердяевым в октябре 1918 г., когда философ определил в качестве положительного завоевания революции формирование именно «пореволюционной мысли». В основе ее лежала идея о том, что будущая Россия не будет ни такой, какой ее мыслили идеологи революции, ни такой, какой представляли ее идеологи контрреволюции. Концепция пореволюционности Н.А. Бердяева базировалась на признании необходимости духовного преодоления крайностей большевизма и построении новой, небольшевистской России на основе синтеза либеральных завоеваний России предреволюционной¹ с постреволюционными социалистическими реалиями большевистского порядка.

Начало 1930-х гг. стало своего рода новой вехой в истории русской эмиграции, в эволюции ее взглядов на Советскую Россию. В частности, в 1931 - 1932 гг., на страницах журнала «Утверждения» была провозглашена идея «пореволюционного синтеза», способная объединить, для дальнейшей созидательной деятельности, представителей различных движений эмиграции. Речь шла об оформлении «единой синтетической пореволюционной идеологии, призванной интегрировать все то ценное, что в объединенном и неполном виде наличествует в целом ряде отдельных конструкций»².

Понимание пореволюционности, прежде всего, как новой духовности, построение идеологии, опирающейся на христианские ценности³, составляло ее религиозный аспект.

Жаравина Лариса Владимировна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
филологический факультет
кафедра литературы
Волгоград, Россия

«ИЗ ГЛУБИНЫ ВОЗВВАХ...»: К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ ЛИТЕРАТУРЫ ЗАРУБЕЖЬЯ И МЕТРОПОЛИИ

Насущной филологической задачей является формирование научных концепций отечественной культуры XX века (несмотря на жесткое противопоставление советских граждан соотечественникам-эмигрантам) как уникального в своей целостности феномена.

Объединяющую роль сыграли опора на классическую традицию, животворящую стихию родной речи, а также жизнь *под запретом, пограничное (по-роговое)* сознание, ощущение смертоносного *табу*. Так, в «Колымских рассказах» В. Шаламова, весьма далекого от проблем эмиграции, мы находим целый ряд мотивно-образных и сюжетно-фабульных сходжений с произведениями Б. Зайцева, И. Шмелева, В. Набокова, Г. Газданова, А. Несмелова и др., где «под-

¹ Имеется в виду Россия между Февралем и Октябрем.

² От редакции // Утверждения. 1932. № 3. С. 3.

³ Исключение составляло учение идеолога третьероссов П.С. Боранецкого.

земный опыт» гулаговца и «подземная тоска» эмигранта созвучны друг другу. Пребывание в иных координатах связано с ощущением непреодолимости и духовной границы. Поэтому, не отождествляя полностью, можно говорить об однотипности психо-семантической матрицы, которая часто определялась однотипной нивелировкой поведенческих различий: прочно сформировавшийся комплекс отверженности, «оголение» человека «от своего костюма культурного поведения» (П. Сорокин), апокалиптические настроения. Умирали в эмиграции, как и в советских лагерях, по-разному: независимо от заслуг перед Отечеством, без различия чинов, званий, возраста. Но и братские захоронения Колымы, и эмигрантские могилы – общая русская *terra dolorosa*. В любой национальной традиции понятийно-образный комплекс *родной земли (родины)* объединяет стабильный спектр экзистенциалов. Однако XX век внес в универсальную константу коррективы: сформировалась оппозиция *своего* места и лишённого персонализации *не-своего* социально-геополитического топоса. Архипелаг ГУЛАГ – «карцер России» (Шаламов), но и *русские* Белград, Берлин, Париж или Харбин – *mixt*-действительность, осложненная инородными значениями. Однако главное национальное богатство – «великое русское слово» – общими усилиями было сохранено.

Жданова Галина Владимировна

Миронов Андрей Витальевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

философский факультет

кафедра философии естественных факультетов

Москва, Россия

КУЛЬТУРА И НАУКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Русское зарубежье внесло огромный вклад в отечественную и мировую культуру и науку. Находясь за границей, вдали от Родины, русская интеллигенция не порывала духовной связи со своей страной, со своим народом и сохранила национальные традиции во всех сферах культурной жизни.

Русская интеллигенция, независимо от ее социального положения, проявила поистине государственную заботу о молодом поколении, оказавшемся по воле судеб на чужбине оторванным от своей Родины. По ее инициативе и при поддержке за границей были созданы общеобразовательные школы и высшие учебные заведения. Благодаря этому были решены проблемы обучения и воспитания подрастающего поколения, подготовки его к будущей созидательной деятельности. Велика роль в решении этих проблем зарубежных, особенно славянских, государств, оказавших финансовую и материальную помощь в создании необходимых условий для организации учебного процесса в русских национальных школах и в вузах и обеспечения их научно-педагогическими кадрами из среды видных ученых и педагогов, эмигрировавших из Советской России.

Большой вклад русские ученые-эмигранты внесли в развитие отечественной и мировой науки в ее многообразных сферах. Многие из них получили мировое признание, став дипломантами международных научных обществ, лауреатами Нобелевской премии. Они вызывали и вызывают у русского народа

гордость, восхищение их самоотверженностью и великими достижениями в естественно-научных и гуманитарных науках и знаниях.

Достоинство была представлена за границей русская национальная культура в лице ее выдающихся деятелей. Они создали крупные произведения во всех сферах духовной жизни, ставшие общечеловеческим достоянием. Международная значимость русской культуры проявилась и в том влиянии, которое она оказывала на мировой культурный процесс.

Ипатова Ирина Серафимовна

Российская академия правосудия,
Приволжский филиал
юридический факультет
Кафедра языкознания и иностранных языков
Нижний Новгород, Россия

«РУССКИЙ МИР»: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Русский язык является родным для 144 млн. и вторым – для 110 млн. человек, проживающих на территориях других государств (по данным Ethnologue Languages of the World Statistical Summaries 2009 г.). Что касается официального статуса русского языка, то в ряде стран он признан официальным на государственном уровне (в Беларуси, Казахстане, и др.), на региональном уровне (в Молдове, Украине, Румынии и др.), имеет статус языка межнационального общения (например, в Таджикистане) или некоторые официальные функции (на территории США, Израиля, Узбекистана и др.).

Русский входит в семерку «мировых» языков, а в 2013 г. вышел на второе место среди самых популярных языков Интернета (Lenta.ru, 21 марта 2013 г.). И все же прогнозы специалистов неутешительны: к 2016 году число не владеющих русским языком, к примеру – в ближнем зарубежье, увеличится до 80 млн. человек и превысит число в той или иной мере владеющих русским (60 млн. человек).

Вместе с тем исследователи современного состояния распространенности русского языка определили феномен, получивший по глобальности масштаба название «Русский мир». Русский мир значительно превышает государственные границы современной России. Он имеет свои традиции (три волны русской эмиграции в истории литературы русского зарубежья), проблемы (в т.ч. этнокультурные причины четвертой волны эмиграции из постсоветской России) и перспективы, одна из которых – распространение русского языка (с учетом всех интерференционных и других процессов, имеющих место при взаимодействии языковых систем). Особо стоит вопрос об индикации уровня культуры личности по языку. Поскольку классический русский язык переживает трудные времена даже в России, это не может не сказываться на репутации его молодых носителей за рубежом.

Ичин Корнелия

Белградский университет
филологический факультет
кафедра славистики
Белград, Сербия

ПЕТРОГРАД КОНЦА 1919 ГОДА В ЗАПИСКАХ ОЛЬГИ ВЕНДРЫХ

Сообщение основывается на записках Ольги Ивановны Вендрых, которые хранятся в Национальной библиотеке в Белграде. Это – потрясающее свидетельство жизни военного Петрограда (конца ноября – начала декабря 1919 г.), исполненной страхом, растерянностью и паникой перед голодом. Мечта жителей северной столицы о хлебе, с одной, и о приходе Юденича, с другой стороны, потерпела крушение, после чего покинуть страну большевиков казалось единственным спасением. Записки Вендрых интересны своей достоверностью о быте конца 1919 года.

Кадола Татьяна Александровна

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
Институт филологии и межкультурной коммуникации
кафедра стилистики русского языка и журналистики
Минусинск, Россия

**КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ: ВКЛАД Н.С. ТРУБЕЦКОГО И
Р.О. ЯКОБСОНА**

Изучение формальной и содержательной стороны наименования городского объекта, осуществляемое в нашем исследовании, предполагает разложение их на составляющие, для чего используется ставший уже классическим метод компонентного анализа. Данный термин был введен в оборот У. Гуденафом, хотя уже в трудах Дж. Локка, Г. Лейбница, Б. Спинозы имело место толкование понятий через сумму семантических компонентов. Например, Б. Спиноза, толкуя такие слова, как *надежда*, *страх*, *уверенность*, *отчаяние*, вводит понятие о будущем и два простых бинарных признака: ‘хорошее’ – ‘дурное’; ‘случайные вещи’ – ‘необходимые вещи’. В соответствии с этими признаками выстраиваются следующие толкования: надежда – ‘это то, что мы знаем о будущей вещи, что она хороша и может случиться’; страх – ‘такая форма души, о которой мы знаем, что она дурна и может случиться’.

Значительный вклад в формирование данного метода анализа языковых единиц был сделан представителями Пражского лингвистического кружка. В работе Н.С. Трубецкого «Основы фонологии» фонема описывается как пучок дифференциальных признаков (звонкость/глухость, твёрдость/мягкость, назальность/неназальность и др.), выявляемых путём сопоставления разных фонем.

Р.О. Якобсон считал возможным использование подобного принципа исследования в грамматике и применял его для описания категории падежа русских существительных. Учёный выделил три пары семантических признаков: направленность/ненаправленность, объёмность/необъёмность и периферий-

ность/непериферийность. Так, именительный падеж описывается как «ненаправленный, непериферийный, необъёмный», а дательный падеж – как «направленный, периферийный, необъёмный».

Таким, образом, методика, направленная на вычленение отдельных компонентов путём построения оппозиций, оказалась универсальной. Во второй половине XX века метод компонентного анализа получил развитие в семантике в трудах У. Гуденафа, Ф. Лаунсбери, Дж. Катца, Дж. Фодора, Ю. Найды, Д. Болинджера, У. Вейнрейха, Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака, О.И. Москальской, В.А. Белошапковой, Е.М. Вольф, А. Вежбицкой, О.Н. Селиверстовой.

Казаков Григорий Александрович

Объединение педагогических исследований им. М. В. Агапова-Таганского
Москва, Россия

М. В. АГАПОВ-ТАГАНСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В КУЛЬТУРУ СТРАН БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ

Максим Владимирович Агапов-Таганский (1890-1973) был выдающимся российским и югославским педагогом, ученым-психологом, общественно-культурным деятелем и руководителем молодежи. Его супругой была М. Л. Илич-Агапова – основательница городской библиотеки и музея Белграда.

Агапов окончил историко-филологический факультет Московского университета, преподавал в гимназиях в Симферополе и Москве. После революции 1917 г. занимал в новом правительстве высокий пост по культурно-просветительской работе. Затем оказался в Алуште, где опять преподавал в гимназии и присоединился к скаутскому движению. В 1920 г. эвакуировался из Крыма в Королевство СХС. Преподавал в гимназии г. Огулин (Хорватия), затем переехал в Белград и работал в представительстве Земгора, позднее перешел на научную работу в Центральный гигиенический институт, где руководил психометрической секцией. Занимал высокие должности в югославской и русской эмигрантской скаутских организациях. После войны преподавал в белградских гимназиях и университете русский язык.

Вклад М. В. Агапова-Таганского в культуру стран бывшей Югославии можно разделить на три области: 1) педагогика по части развития скаутского движения (создание уникальных курсов для подготовки скаутских руководителей под лозунгом «Будем как солнце», участие в создании Всеславянского скаутского союза, публикация научных работ по скаутской педагогике); 2) наука по части психологии (психометрические исследования в вооруженных силах и в школе, разработка вопросов психотехники, психологии обучения, криминологии); 3) общественно-культурная деятельность (в обществе «Славянская мысль»). Для Югославии психолого-педагогические идеи и начинания М. В. Агапова-Таганского были новаторскими.

Среди югославов учениками Агапова в скаутизме был целый ряд творческих деятелей, например, хорватский писатель Данко Облак. Из русской эмигрантской молодежи его учениками и последователями были Б. Б. Мартино и Р. В. Полчанинов.

К сожалению, имя и труды М. В. Агапова-Таганского малоизвестны в современной России и странах бывшей Югославии. Правда, есть подвижки к луч-

шему: в России сейчас начали издаваться его работы по скаутской педагогике, создано педагогическое объединение его имени, но в Сербии и других странах бывшей Югославии его труды не переиздаются, память четы Агаповых не увековечена мемориальными досками, не изучен их личный архив, в биографии ученого остается много белых пятен.

Компанеец Валерий Васильевич

Волгоградский государственный университет

Институт филологии и межкультурной коммуникации

кафедра литературы, издательского дела и литературного творчества

Волгоград, Россия

ПРАВОСЛАВНЫЙ ОПЫТ РУССКОГО ЭМИГРАНТА КАК ОЦЕНОЧНЫЙ КРИТЕРИЙ: ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО И.А. ИЛЬИНА И И.С. ШМЕЛЕВА

Унизительное ощущение своей маргинальности обостряло не только патриотические чувства, но и стимулировало обращение к религиозным ценностям даже среди индифферентной части эмиграции. Что же касается И.А. Ильина и И.С. Шмелева, то философская публицистика одного, как и художественное творчество другого полностью подчинялись общей сверхзадаче: обоснованию критериально-оценочной системы с позиций истинного (догматического) православия. Мыслитель и художник слова были единомышленны в своих взглядах на духовность (или бездуховность) современного искусства, что формировало психо-поведенческие модели на всех уровнях: от полновесных выступлений в печати, до отдельных реплик и жестов, частных и публичных проявлений личности. Именно в таком ракурсе интерпретировалась позиция И.А. Бунина-эмигранта, присуждение которому Нобелевской премии вызвало у них обоих, как и в эмигрантской среде в целом, неоднозначную реакцию. С одной стороны, данное событие трактовалось в общероссийском масштабе как факт признания духовного величия России. С другой – православные люди не могли не усмотреть в поведении автора «Жизни Арсеньева», не сказавшего в традиционной Нобелевской речи «ни словечка о русской литературе» (Шмелев), проявления самости и гордыни. Значительное место занимают в творческих диалогах «двух Иванов» проблемы собственно художественного мастерства. Ильин всячески поддерживал своего единомышленника в его стремлении выдвинуть на первый план идеал не просто «положительно прекрасного человека», но именно православного воцерковленного героя; ждал от собеседника не столько чувственно-эмоционального откровения, сколько ясности и трезвости духовного зрения – единственного способа спасения в мире скорбей и бед. Эти требования нашли полновесное воплощение в романе «Пути небесные», который можно рассматривать в аспекте православной идеологии, характерологии, поэтики.

Кончаревич Ксения

Белградский университет
православный богословский факультет
Белград, Сербия

**РУССКИЕ МОНАХИНИ В СЕРБСКИХ МОНАСТЫРЯХ
В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ**

В докладе рассматривается воздействие русских женских монастырских обитателей и знаменитых монахинь, оказавшихся после Октябрьской революции в изгнании, на возрождение и развитие сербской монашеской духовности. Автор приходит к выводу о том, что русское женское монашество в эмиграции оказало сильнейшее воздействие на возрождение не только монашеской, но и мирской духовности в сербских землях в период между двумя мировыми войнами, особенно в повторном учреждении сербского женского монашества, распространении церковной культуры и искусства, миссионерской и благотворительной работе, восстановлении храмов и монастырских зданий, насаждении русских дисциплинарных уставов в сербских женских обителях, духовном формировании будущих знаменитых монастырениначальниц сербского происхождения и поощрении развития монашеских кадров.

Косанович Богдан

Университет в Нови-Саде
философский факультет
отделение славистики
Нови-Сад, Сербия

**ПЕРВОИЕРАРХИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗА ГРАНИЦЕЙ
О РЕЛИГИОЗНОСТИ А.С. ПУШКИНА**

Общеизвестно, что самым популярным писателем среди русских эмигрантов в Сербии был Александр Сергеевич Пушкин. «Русские матицы» ежегодно отмечали его день рождения, о нем читались многочисленные лекции, писались статьи и книги.

Культ Пушкина, как национального писателя поддерживала и Русская православная церковь за границей, чей центр сначала находился в Сремских Карловцах, а потом в Белграде. В нашем исследовании речь идет о взглядах на религиозность Пушкина двух первосвященников русской диаспоры в Сербии: Митрополита Антония (Храповицкого) и Анастасия (Грибановского). По поводу столетия со дня рождения Пушкина владыка Антоний прочел в Казанском университете свое *Слово перед панихидой о Пушкине* (напечатанное в «Православном собеседнике», 1899, № 6). В эмиграции он снова обратился великому русскому поэту, на этот раз опубликовав брошюру *Пушкин как нравственная личность и православный христианин* (1929). Теперь в центре его внимания оказался анализ Пушкинского творчества с точки зрения религиозной нравственности и патриотизма.

Преимник Митрополита Храповицкого в Русской православной церкви за границей, Митрополит Анастасий, считал Пушкина «поэтом творцом Божией

милостью», высшим о воплощением русского национального творческого духа (Пушкин в его отношении к религии и Православной церкви, Белград, 1939).

Косинова Оксана Анатольевна

Московский гуманитарный университет
Кафедра педагогики и психологии высшей школы
Москва, Россия

ПРАВОСЛАВНАЯ ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ОСНОВА
ЕДИНСТВА И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ И СЛАВЯНСКОГО МИРА В 1920 – 1930-е гг.
(НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В КИТАЕ)

Единство дальневосточной ветви с русским зарубежьем в целом выявляется через традиции. Педагогические традиции русского зарубежья были нацелены на сохранение, воспроизводство и передачу национальных ориентиров как средства сохранения этнокультурной идентичности подрастающих поколений в условиях беженства. Православное воспитание базировалось на исконных религиозных ценностях России и в качестве компонента содержания входило в общеобразовательную подготовку детей и молодежи.

Развитию православия на территории Китая в значительной степени способствовали веротерпимость китайского населения и деятельность Русской православной миссии. Фактором институционализации православия в этой стране послужила активная культурно-образовательная деятельность россиян по линии КВЖД, Шанхае, Пекине. В результате в Китае возникло пространство русской культуры во взаимосвязи образовательной, научно-педагогической и православной миссионерской работы.

В условиях эмиграции обозначилась проблема выработки нового общепедагогического идеала. Духовно-нравственный потенциал православия выступил одним из источников педагогической деятельности. Реформирование содержания начального и среднего общего образования в направлении закрепления национальных духовных ценностей русских эмигрантов показало стремление к усилению воспитательной функции предметов «Россики», в аспекте которой следует рассматривать значимость Закона Божьего как предмета подготовки учащихся к нравственному служению обществу. В этом качестве православное воспитание выступало как системообразующий принцип в работе с детско-молодежными движениями и организациями (сокольство, скауты, Христианский союз молодых людей и др.). Анализ материалов о праздновании Дня русской культуры показывает, что воспитательная задача, которая ставилась в отношении детей и молодежи, понималась организаторами праздника в единстве национальных и религиозных традиций, где православие трактовалось как компонент национальной русской (российской) культуры.

Этнокультурный контекст, который приобрело православное воспитание, существенно отличает его от духовного православного образования – направления и формы работы Русской Православной Церкви за границей. Приверженность православной вере была характерной чертой русского зарубежья и предопределила сходные тенденции в пределах самой диаспоры, а так-

же научно-педагогические и культурно-образовательные связи эмигрантского сообщества со славянскими странами.

Кудрявцева Екатерина Львовна

общество ИкаРус – Межкультурная коммуникация и русский язык
Карлсруэ, Германия
Университета Грайфсвальда
Институт иностранных языков и медиа-технологий
Грайфсвальд, Германия

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЦЕНТРЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГЕРМАНИИ 20-го–21-го СТОЛЕТИЯ (ОБЗОР)

Доклад посвящен типологии русскоязычных образовательных учреждений в ФРГ. Самой «старой» русской школе в Германии в 2010 году исполнится 20 лет, самой молодой – месяц. Всего же на территории 16 федеральных земель ФРГ за минувшие десятилетия было основано 397 образовательных инициатив. Назвать их все «школами» было бы неверным, ибо они являются крайне разнообразными как по своим юридическим формам, так и по структуре. Русскоязычные образовательные центры редко несут функцию реализации комплексного образования и/или обучения на русском языке как одном из родных или иностранном. Их роль можно определить как поддержку «слабого» языка вне аутентичной (неучебной и несемейной) языковой среды.

Кузнецова Ольга Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории для преподавания на естественных
и гуманитарных факультетах
Санкт-Петербург, Россия

РУССКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ В БЕЛГРАДЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ ПРОФ. С.Н. ПРОКОПОВИЧА В ПРАГЕ: СОЗДАНИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО

Формирование русских научно-исследовательских учреждений, в условиях эмиграции первой половины XX века, посвященных анализу происходящих в СССР процессов, в частности, функционированию советской модели экономики, восполняло недостаток информации о России и способствовало объективному изучению русской жизни в условиях Европы. В рамках этого процесса происходило создание в Белграде А.Ю. Вегнером центра по изучению Советской России по аналогии (и под патронатом) основанного в Праге Экономического кабинета проф. С.Н. Прокоповича, о чем свидетельствуют материалы переписки С.Н. Прокоповича с А.Ю. Вегнером за 1923-1927гг.

Работа Экономического Кабинета С.Н. Прокоповича в эмиграции (1924-1938гг. Прага) была обширна, но среди всех ее направлений следует особо выделить консультативную помощь и иную деятельность со стороны С.Н. Прокоповича по созданию Русского экономического кабинета в Белграде, как

центра по изучению Советской России. Продолжившееся в дальнейшем сотрудничество Кабинетов привело как к появлению ряда научных работ, представляющих востребованную за рубежом информацию, так и к созданию центров по разработке практических рекомендаций для различных организаций эмиграции.

Лапаева Наталья Борисовна

Эрджиевский Университет
литературный факультет
отделение русского языка и литературы
Кайсери, Турция

**БАЛКАНСКИЕ СТРАНЫ, ЧЕХИЯ, ПОЛЬША В ЛИТЕРАТУРНЫХ СУДЬБАХ
РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ-ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ**

Трудно переоценить ту роль, которую сыграли Королевство сербов, хорватов, словенцев (Югославия), Болгария, Чехия, Польша в литературных судьбах русских поэтов-эмигрантов 1920-х годов. Славянские страны стали местом, где русские поэты, покинувшие Россию после революции 1917, продолжили свою жизнь и творчески развивались: Белград был городом, в котором складывались поэтические судьбы Ильи Голенищева-Кутузова, Алексея Дуракова, Екатерины Таубер, Лидии Алексеевой и др.; столица Болгарии София «приютила» и дала вдохновение Любове Столице; в Чехии, в Праге, оказались Марина Цветаева, Антоний Ладинский, Вадим Морковин, Вячеслав Лебедев, Алла Головина, Эмилия Чегринцева и др.; в Польше работали Александр Кондратьев (Вольнь), Лев Гомолицкий (Варшава, Лодзь) и т. д. Свидетельством активной жизни поэтов русской диаспоры в этих славянских странах является факт создания на их территории многочисленных и плодотворно работавших литературных объединений («Книжный кружок» в Белграде; «Скит» в Праге; «Таверна поэтов», «Домик в Коломне» в Варшаве и др.).

Очень часто стихи русских поэтов-эмигрантов, оказавшихся «волею исторической судьбы» на Балканах и в западнославянских странах, содержат в себе результаты лирической рефлексии места, включают в себя элементы «культурной географии», имеют «экскурс» в родственный им фольклор. В поэзии русских эмигрантов, живших в славянских странах, привлекают образ Белграда, Вранье, Дубровника, Праги, а также заставляют задуматься строчки и строфы о сходстве России и Болгарии, о польском менталитете. В «славянских» стихах поэтов русского зарубежья нашла свое художественное воплощение актуализировавшаяся для них проблема поисков собственной идентичности.

Оформлявшееся в стихах поэтов русского зарубежья 1920-30-х гг. переживание конкретного – балканского, чешского, польского – природного и культурного ландшафта отражало векторы их поисков культурных ориентиров в охваченном социальными катаклизмами мире, запечатлеvalo желание отыскать связи между родственными по духу культурами славянских народов.

Лесневская Димитрина Спасова

Университет национального и мирового хозяйства
факультет международной экономики и политики
кафедра иностранных языков и прикладной лингвистики
София, Болгария

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В эпоху Интернета русское зарубежье объединяется в целях укрепления позиций русского языка и сохранения российского исторического и культурного наследия. В условиях глобализации, как нового «Осевого времени», сфера идеологии и мировой культуры претерпевает кардинальные изменения. Ослабевает роль национальных государств, формируется глобальное гражданское общество без границ, идет процесс геоэкономического размежевания мира и образования «больших пространств», как фундамент «нового мирового порядка».

В условиях межцивилизационной конкуренции и доминирования в мире западной цивилизации, ключевым направлением внешней политики РФ является развитие интеграции на пространстве СНГ. Российская идея о создании Евразийского союза поддерживается Беларусью и Казахстаном. Генеральный проект России – «Русский мир».

Концепт «Русский мир» появился в общественно-политическом дискурсе сравнительно недавно. Русский мир – это мир России, русские в странах ближнего и дальнего зарубежья (русское зарубежье), иностранные граждане, говорящие на русском языке, примирение, согласие, лад, община, общность, социальная и культурная гармония (журнал *Русский Мир.ru* – журнал о России и русской цивилизации Фонда «Русский мир»). Используя «мягкую силу», Россия набирает обороты в процессе стабилизации и развития русского мира во всем мире.

В условиях столкновения и своеобразного состязания цивилизаций, славянский мир должен объединяться в целях упрочения позиций русского языка, как мирового славянского языка, и сохранения славянских языков в целом. В эпоху языковой глобализации, где в единоборстве с английским языком миноритарные языки будут увеличиваться, консолидация русского мира будет действовать сохранению славянской языковой группы, в частности болгарского языка, общей кириллицы.

Мальцев Леонид Алексеевич

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Институт гуманитарных наук
кафедра зарубежной филологии и историко-сравнительного языкознания
Калининград, Россия

**Н.А. БЕРДЯЕВ И М. ЗДЗЕХОВСКИЙ: РУССКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД НА
КОНЕЦ ИСТОРИИ**

В докладе раскрывается содержание категорий катастрофизма и эсхатологизма, важнейших для историософии XX века. Дается сравнительный анализ

философско-исторической проблематики произведений 1920-х гг. русского философа Н.А. Бердяева и польского философа М. Здзеховского.

В труде «Новое средневековье» Бердяев даёт философско-исторический прогноз судеб России и Европы уже в ближайшем будущем. Бердяев разрабатывает концепцию, смысл которой сводится не к «реставрации», а к своеобразному «ренессансу» Средневековья в его ценностных ориентирах, способных преодолеть программу катастрофического падения современной цивилизации. Концептуальным моментом, сводящим воедино пророческие и утопические прогнозы Бердяева, является тезис о неизбежной «религиозной борьбе, религиозной поляризации, выявлении предельных религиозных начал», о новой «эпохе обостренной борьбы религии Бога и религии дьявола, начал Христовых и начал антихристовых».

Если Бердяев, опираясь на Шпенглера, преодолевает его катастрофизм, и создает, по существу, новую историософскую концепцию возрождения, то польский философ Мариан Здзеховский (1861-1938) остается в орбите шпенглеровского катастрофизма, точнее – создает его национальный вариант. Цикл очерков Здзеховского «Конец Европы» (1922), «Как разрушаются цивилизации» (1929-1936), «Пессимизм как творческая сила» (1926) – это развернутая рефлексия польского мыслителя над произведениями философско-исторической, научной и литературно-художественной мысли прошлого и настоящего. Здзеховский уделял большое внимание русской мысли, в том числе философии Бердяева, в которой важнейшей для польского мыслителя была идея творчества.

Манова Ирина Ивановна

Софийский университет им. Св. Климента Охридского

Факультет славянских филологий

Кафедра русского языка

София, Болгария

ВКЛАД ПРОФЕССОРА Г.А.ТАГАМЛИЦКОЙ В РАЗВИТИЕ БОЛГАРСКОЙ РУСИСТИКИ

В докладе прослеживается жизненный и творческий путь профессора Г.А. Тагамлицкой. Проф. Г.А. Тагамлицкая является основателем кафедры русского языка в университете им. Св. св. Кирилла и Мефодия в городе Велико-Тырново, создателем научной школы в болгарской русистике. Огромен ее вклад в популяризации русского языка, литературы и культуры в Болгарии. Она была соавтором радиокурса русского языка, написала ряд учебников и учебных пособий по русскому языку для средней и высшей школы, проводила исследования в болгарском языке и сопоставительные исследования, переводила с русского на болгарский и с болгарского на русский язык, занималась редактированием, была оппонентом кандидатских диссертаций, научным руководителем аспирантов, руководителем свыше 60 дипломных работ. Особое внимание в докладе уделяется первому в Болгарии учебнику по русской морфологии.

Манчев Владимир Симеонович

Софийский университет им. Св. Климента Охридского
факультет славянских филологий
кафедра русского языка
София, Болгария

**ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СОФИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ ЕВДОКИМОВ**

В предлагаемой статье рассказывается об эмигрантском периоде жизни и профессиональной деятельности одного из замечательных преподавателей Софийского университета – Андрея Петровича Евдокимова. Родившийся в 1893 г. в России (в поместье Керчик), Евдокимов вынужденно покинул родину в начале 20-х годов и волею судьбы оказался в Болгарии, где позже стал учителем русского, французского и латинского языков в городах: Велико Тырново, Хасково, Кюстендил и София, а затем и преподавателем русского языка в Софийском университете.

Андрей Петрович зарекомендовал себя как профессионал с большой буквы, человек, отдающий все силы науке, просвещению и распространению русского языка и культуры в Болгарии. Он является автором двух учебников и двух словарей русского языка. К сожалению, его имя не столь широко известно даже среди людей, интересующихся вопросами распространения русского языка и культуры в Болгарии, поэтому мы сочли своим долгом хотя бы вкратце рассказать об этом незаурядном представителе русской эмиграции на Балканах.

Матевосян Лианна Вениаминовна

Ереванский государственный университет
факультет русской филологии
кафедра русского языкознания типологии и теории коммуникации
Ереван, Армения

РУССКИЙ ЯЗЫК В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АРМЕНИИ

Сегодня перед армянами стоят глобальные задачи: выживание в условиях беспощадной конкуренции мирового рынка и утверждение политического, экономического и культурного авторитета нашей страны. Препятствием, тормозящим их выполнение, является незнание или недостаточный уровень знания языков. Когда растут и расширяются международные контакты, незнание или недостаточный уровень знания языков наносит стране материальный и моральный ущерб. Особо остро в Армении стоит проблема языковой подготовки кадров высшей квалификации, кадров, призванных развивать и ускорить научно-технологический прогресс.

Русский язык в Армении сегодня, хотя и назван в ряду иностранных языков, продолжает оставаться первым/обязательным (его изучают в школе, в вузе) среди равных, ибо есть мотивация:

- Россия была и остается самой переводящей и печатающей страной,
- наши библиотеки *пока* лучше укомплектованы литературой на русском языке,

- армянская диаспора России насчитывает более двух миллионов армян,
- для армян, проживающих или выезжающих на заработки на территорию постсоветского пространства и в страны Восточной Европы, русский язык – орудие производства и часть культуры,
- русский язык – средство общения между специалистами, да и людьми разных стран. Сегодня все чаще говорят о консолидирующей роли русского языка в развитии межкультурных отношений не только между Российской Федерацией и странами ближнего и дальнего зарубежья, но и во всем евроазиатском пространстве.

Реальный статус русского языка в Армении, на наш взгляд, гораздо выше его правового статуса. Об этом говорят и цифры: сегодня русские составляют приблизительно 1% населения Армении (Армения всегда была мононациональной республикой), число же владеющих русским языком – примерно 70% (данные МИД РФ).

Межинская-Милованович Елена Константиновна

Галерея Сербской академии наук и искусств
Белград, Сербия

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ-ЭМИГРАНТЫ В СЕРБИИ: РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ – СЕРБСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ. СОГЛАСОВАНИЕ С АКТУАЛЬНЫМИ ТЕЧЕНИЯМИ В СОВРЕМЕННОМ СЕРБСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ И ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ

Новый подход и возникший интерес к собственной гражданской культуре 1920–1940-ых годов в сербском искусствоведении в течение последних двадцати лет осветил из нового ракурса и деятельность русских художников-эмигрантов, беженцев от октябрьского переворота из России, чьи произведения в середине XX века в сербской среде были изгнаны с признанной и уважаемой художественной сцены и критиковались как консервативные и малозначительные.

Очевидно, если исходить из наследия русского реализма (работы Н. Кузнецова, А. Ганзена, А. Шелоумова), европейского и русского «ориентализма» (С. Колесникова, Б. Литвинова Масальского), русского символизма (А. Биценка) и стиля модерн (Е. Киселевой Билимович), произведения русских художников-эмигрантов в сербской среде вписались в актуальные художественные течения в современном сербском обществе и сумели ответить требованиям новой среды, новых заказчиков и публики.

Происхождение, параллели и взаимное проникновение работ русских и сербских художников в сербской среде возможно наблюдать на примерах в области убранства королевского дворца на Дедине, религиозной живописи и декорации храмов (мастера круга *Опленац*, Биценко, П. Софронов), в модных портретах высшего общества (Колесников, Б. Пастухов, Л. Барановская Шрамченко), в батаях и на исторических полотнах, в картинах с ориентальными и русскими мотивами, в сценах из народной жизни (Литвинов, Шелоумов, Колесников), в пейзажах и ведутах (Ганзен, А. Сосновский, Колесников), в работах по мотивам народных сказок, песен, былин, в иллюстрациях книг и модных журналов, в комиксах и грамотах, в сценографии, в меньшей степени в скульптуре (Р. Верховской, В. Загорднюк) и т.п.

Минева Инна Николаевна

Петрозаводский государственный университет
Карельская государственная педагогическая академия
историко-филологический факультет
кафедра литературы
Петрозаводск, Россия

**ЭМИГРАЦИЯ, КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР, КУЛЬТУРНЫЕ КОНВЕРГЕНЦИИ:
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ**

В докладе представлены наблюдения над особенностями философской, литературоведческой, антропологической трансформации понятий эмиграция (литературная), культурный трансфер, культурные конвергенции в эпоху глобализации и транскультурализма. Основной источниковедческой базой для исследования послужило творчество писателей третьей и четвертой волны русской эмиграции.

Мрджа Ивана

Белградский университет
филологический факультет
Русский центр
Белград, Сербия

**ВАСИЛИЙ НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО:
ПЕРЕПИСКА С АЛЕКСАНДРОМ БЕЛИЧЕМ**

Доклад был основан на документах, хранящихся в Архиве Сербской академии наук и искусств в Белграде. В данном Архиве десять писем русского писателя и публициста Василия Немировича-Данченко сербскому ученому и председателю Академии наук – Александру Беличу. Все письма принадлежат к периоду эмигрантской жизни Немировича (с 1928 по 1936 год) и представляют до сих пор неопубликованные ценные свидетельства жизни культурных деятелей в беженстве. Посредством этих писем читатель и исследователь русской эмиграции может, во-первых, ознакомиться с личными взглядами Немировича-Данченко на политическую и социальную сцену в России и Европе, с его надеждами и убеждениями, а, во-вторых, с проблемами, с которыми сталкивались русские интеллигенты в эмиграции. Письма русского писателя свидетельствуют об особой роли Александра Белича, возглавлявшего Государственную комиссию по делам русских беженцев, в жизни русских эмигрантов и подчеркивают значимость Белграда в деле продвижения русской культуры.

Николич Наташа

Белградский университет
филологический факультет
Русский центр
Белград, Сербия

**БАЛЕТНЫЙ АНГАЖЕМЕНТ НИНЫ КИРСАНОВОЙ НА СЦЕНЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА В БЕЛГРАДЕ**

Нина Кирсанова, знаменитая русская балерина первой половины XX века, сыграла очень важную роль в становлении белградского Балета и способ-

ствовала развитию балетного творчества. В докладе описывается путь и развитие балетного искусства на белградской театральной сцене в период между Двумя мировыми войнами. Среди многих русских артистов-эмигрантов, Нина Кирсанова, сильная и темпераментная исполнительница появилась на сцене в самом начальном этапе его развития. Основная тема доклада относится к ангажементу Кирсановой в белградском Национальном театре, который развивался в несколько этапов, с 1923 по 1950 г. Данная работа ставит следующие цели: показать как на протяжении десятилетий развивалось балетное искусство, передать особую атмосферу эмигрантской среды, дух времени, стилистические особенности русской балетной школы, культуру классического балета, представить деятельность Кирсановой и каким способом она внесла драматургию, музыку, актёрскую игру, изобразительное и прикладное искусство в балетное творчество на белградской театральной сцене в тогдашней Югославии. Особое внимание посвящено театральной критике того времени, рассматривавшей каждый спектакль, выступление, уровень и успех балетного ансамбля, творчество Кирсановой и большой вклад, который она внесла в историю сербского балета.

Палибрк-Сукич Несиба

Городская библиотека города Панчево
Панчево, Сербия

РУССКО-ЮГОСЛАВСКИЙ АЛЬМАНАХ.

ИЗДАНИЕ РУССКО-ЮГОСЛАВСКОГО СООБЩЕСТВА В Г. ПАНЧЕВО

Поводом для публикации русско-югославской сборника в г. Панчево 1934 г. является оказание поддержки строительству памятной часовни русскому царю Николаю II. Поскольку в г. Панчево существовала большая русская колония, русский госпиталь, большая церковная община, на Православном кладбище были похоронены сотни русских, явилась необходимость построить русский храм. В рамках Русско-югославского сообщества в этой цели был образован Комитет по воздвижению часовни. Данный Комитет издает Русско-югославский альманах, «в надежде, что каждый его экземпляр будет кирпичом для постройки этого храма», как писал Владимир Алексеевич Мошин. Русско-югославский альманах выходил на сербском языке. В нем опубликованы труды русских и югославских авторов, ученых, писателей и поэтов. Он был посвящен расширению русско-югославских отношений, идее всеславяинства и панславизма, которые в начале 20 столетия выходят на передний план в условиях, когда большое число русских эмигрантов и интеллектуалов оказались в рядах югославского общества. Инициатива широкого движения русско-югославского сообщества, базированного на реальной политической и культурной программе, берет свое начало в Панчево, в котором было учреждено первое Русско-югославское сообщество.

Для того, чтобы указать на дружбу двух народов, русского и сербского, *Альманах* в самом начале публикует содержание трех важных документов из 1914 года, а именно: *Личную телеграмму Престолонаследника и Регента Александра, направленную царю Николаю II от 26/13 июля 1914 года*, потом *Ответ царя Николая II Престолонаследнику Александру от 26/13 июля 1914 года* и *Манифест царя Николая от 20 июля 1914 года*.

Обращает на себя внимание текст Ф. М. Достоевского *Русский народ слишком созрел для понимания восточного вопроса* из «Дневника писателя» март 1877 года. Из современных авторов были опубликованы: текст Теодора Тарановского *Революционный миф о «царизме» и историческая действительность*; текст частного доцента университета в Риге В. Преображенского *Русская культура и национальное самосознание*; труд редактора Альманаха В. А. Мошина *Третий Рим и Южные славяне*; Александра Погодина *В чем заключается привлекательность России. О Югославских полках в российской армии XVIII века* текст Александр Соловьева; работа социолога Петра Струве *К памяти великого слависта, историка и публициста Владимира Ивановича Ламанского*. Из сербских авторов в Альманахе опубликованы труды Йована М. Йовановича *Мы все сделаем для Сербии*; *Русские беженцы* П. Й. Одавича; *О Мишиане черногорце*, отрывок из «Письма о черногорцах» Любомира П. Ненадовича; *Веселина Т. Чуича о поэте д-р Драгише Станоевиче и его размышлениях о России из 1897г*; *Всеславянство* Петра Барьяктаревича; *Царь Николай II и восточный вопрос*, Василя Поповича; народного депутата Николы Соколовича *О формировании добровольческой югославской дивизии*.

Содержание Альманаха обогащено и несколькими трудами из области поэзии. Идея панславизма и общеславянской солидарности, которая в начале XX века казалась политически возможной, в XXI веке потеряла свое значение. Мир пошел в другом направлении, по пути глобализации и объединения Европы во главе с экономически сильнейшими государствами Западной Европы. Идея югославянства тоже не выдержала испытания времени. В кровавой войне Югославия распалась на мелкие государства югославских народов в пределах границ бывших республик, стремящиеся стать членом Евросоюза.

Поляков Дмитрий Кириллович

Российский государственный гуманитарный университет
институт филологии и истории
кафедра славистики и центральноевропейских исследований
Москва, Россия

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ: ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ НАДЕЖДЫ МЕЛЬНИКОВОЙ-ПАПОУШКОВОЙ РОССИЯ ВБЛИЗИ И ИЗДАЛЕКА (ПРАГА, 1929)

Жанр путевых заметок (репортажа, путевого очерка, записок о путешествии), или – шире – травелога (этот западный термин удачно перенесен и в русскоязычный научный дискурс) занимает особое место в процессе формирования устойчивых представлений одного этноса о другом, рождения определенных стереотипов, их укрепления или развенчания.

Периодом бурного развития травелога в XX веке стали 1920-30-е годы. Отдельным - и значительным тематическим блоком в травелогах являются тексты о тогдашнем Советском Союзе - авторства как западных писателей (Т. Драйзер, А. Жид, Л. Фейхтвангер), так и путешественников из славянских стран (М. Майерова, Ю. Фучик, М. Крлежа, А. Цесарец).

В докладе анализируется один из чешских травелогов – книга Надежды Мельниковой-Папоушковой *Россия вблизи и издалека* (Прага, 1929). Рас-

смастриваемый текст занимает важное место в травелогах о Советском Союзе. Написанный по-чешски и для чешской аудитории, он тем не менее существенно отличается от ставших классическими репортажей из СССР авторства чешских писателей. Это отличие объясняется тем, что автор путевых заметок - Н. Мельникова-Папоушкова – русская, до революции жившая в Москве, а затем вышедшая замуж за чешского политического деятеля Я. Папоушека и эмигрировавшая в Чехословакию, усвоив тем самым и русскую, и чешскую культуру. Характерная для всего пространства травелогов оппозиция «свой – чужой» в силу этих обстоятельств трансформируется и усложняется. Характер и конкретные примеры этой трансформации и будут рассмотрены в докладе.

Попов Андрей Владимирович

Российский государственный гуманитарный университет
Историко-архивный институт
кафедра истории и организации архивного дела
Москва, Россия

АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ, КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЗАРУБЕЖНОЙ АРХИВНОЙ РОССИКИ

Доклад посвящен истории и формированию архивных собраний российской эмиграции в отечественных и зарубежных архивах, рукописных отделах музеев и библиотек и других хранилищах. В статье приводится типология и классификация основных хранилищ, имеющих в своем составе фонды по истории российской эмиграции. По мнению автора, параллельно складыванию и формированию комплекса архивных материалов эмиграции шёл процесс собирания и формирования комплекса этих материалов в архивах России. Этот процесс развивался с «опозданием на одну волну», т.е. в определённый исторический период активности одной волны эмиграции в России собирались документы предшествующей волны. Это объясняется тем, что эмиграция, бежавшая от одного конкретного режима, не хотела идти с ним на сотрудничество, а тем более передавать свои документы. После истечения исторического отрезка времени и изменения ситуации в России эмиграция, став «старой» и в прямом, и в переносном смысле, начинала передавать свои документы на историческую Родину. Ещё одно объяснение этого явления кроется в архивной сфере. В период активной жизни и деятельности эмиграции её документы не успевали обрести ретроспективность и стать историческими источниками, архивными документами: они составляли часть делопроизводства эмигрантских организаций, политических партий и т.д. Доклад адресован историкам, архивистам и другим исследователям, интересующимся проблемами русского зарубежья и зарубежной архивной россики.

Родионова Надежда Александровна

Научно-исследовательский университет

Высшая школа экономики

Москва, Россия

«ЧТО ПРОЙДЁТ, ТО БУДЕТ МИЛО»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ БЫТА ШУМЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ В БЫТИЁ
В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ ЕЁ ВЫПУСКНИКОВ

Доклад основывается на архивных находках. Документы личного происхождения, отложившиеся в ГАРФе, касаются проблемы становления и развития российского образования в изгнании, помогают уточнить малоизвестные факты биографий и некоторые аспекты межличностных отношений как видных деятелей эмиграции (А.В.Жекулиной, председателя Объединения русских учительских организаций за границей (ОРУОЗ); А.В. Арцишевского, Уполномоченного Всероссийского Союза Городов в Болгарии), так и рядовых беженцев. В частности, письма выпускников Шуменской гимназии в Болгарии (среди которых мною обнаружено письмо Г.Газданова, адресованное директору гимназии А.А. Бейеру, не известное ранее исследователям его творчества,) проливают свет на малоизученный литературоведами и биографами период жизни будущего писателя в Шуменской гимназии в Болгарии, на трудности вхождения во взрослую жизнь молодого поколения русских послереволюционных эмигрантов, что значительно расширяет наше знание о пребывании русских эмигрантов в Болгарии.

Шуменская гимназия была передислоцирована в Болгарию из Константинополя в 1921г.и просуществовала до 1934г. Она занимала первое место среди всех средних школ Болгарии, как по количеству воспитанников, так и по постановке учебно-воспитательной работы. Здесь обучались разновозрастные юноши, прошедшие сквозь горнило гражданской войны. Гимназия была устроена как учебное заведение закрытого типа со строгой дисциплиной, где в качестве наказания применялся карцер. Иначе было нельзя: выпускник этой гимназии, в будущем поэт и журналист В. Сосинский писал о себе и своих однокашниках, испивших до дна горькую чашу братоубийственной войны: «мы были настоящие бандиты». Однако, несмотря на бедность, жёсткость распорядка дня, скудость питания и проч., годы, проведённые под кровом гимназии, представлялись её выпускникам, испытавшим по её окончанию шок от столкновения с суровой действительностью, самыми счастливыми, о чём свидетельствуют их письма, адресованные преподавателям и воспитателям гимназии, отложившиеся в фондах ГА РФа.

Сабо Бояна

Белградский университет
филологический факультет
Белград, Сербия

«ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА» Л. АНДРЕЕВА В ПОСТАНОВКЕ Ю. РАКИТИНА (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛГРАДСКОЙ ПЕРИОДИКИ)

Ю. Ракитин – один из самых известных режиссеров, актеров, педагогов и теоретиков театра, который эмигрировал из России в Сербию. В данной работе будут рассмотрены отзывы в белградской прессе о его постановке пьесы «Жизнь человека» Л. Андреева, которая в первый раз была сыграна в 1936 г. как дипломная работа студентов драматического отделения Музыкальной и актерской и балетной школы в Белграде в 1926 г. К этой же своей постановке Ю. Ракитин вернется и десять лет спустя, в 1936 г. В этот раз спектакль был показан в Актерской школе при Национальном театре в Белграде.

Скрунда Виктор Сергеевич

Wszechnica Polska – Szkoła Wyższa w Warszawie
Zakład Filologii Rosyjskiej
Варшава, Польша

«МЕНЬШИНСТВЕННАЯ ИДЕЯ» И РУССКАЯ ОЧЕРКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ (30-е ГОДЫ)

Положение представителей русского рассеяния в отдельных европейских странах после Версаля характеризовали серьёзные различия. Для предлагаемой темы имеют значение прежде всего различия нарастающие в лимитрофных странах (в связи с укреплением их государственности). К числу лимитрофов принадлежала и межвоенная Польша.

Говоря о своеобразии положения русских в Польше следует учесть м.пр. славянский характер окружения, значительное распространение русского языка в среде польской интеллигенции (и некоторых меньшинств), длительное присутствие старообрядческих общин, привыкших пребывать в чуждом культурном окружении, наконец, мощное присутствие стихии восточнославянских автохтонов, в основном православных, проявляющих тяготение к «русскости», однако лишённых устойчивого национального самосознания. Отрицательным фактором была исторически сформированная недоброжелательность, даже враждебность господствующего большинства к любой форме русского присутствия.

В начале 30-х годов приобрёл остроту вопрос о выборе концепции относительно будущего русских в Польше: «эмигрантской» (основанной на убеждении о кратковременности существования советского государства в тогдашней его неприемлемой форме) или «меньшинственной» (основанной на признании политических реалиев и необходимости прочного обоснования в Польше среди других меньшинств).

Динамика взаимоотношений приверженцев указанных программ привела к преобладанию «меньшинственности». Переломным моментом можно считать

создание Союза русских меньшинственных организаций (1931) – и зарождение «меньшинственного очерка».

Представленные вопросы рассматриваются именно на материале избранных очерков В. Хмарина, И. Хабюка и др.

Солнцева-Накова Екатерина Васильевна

Софийский университет им. Св. Климента Охридского
факультет славянских филологий
София, Болгария

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ЭМИГРАНТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В БОЛГАРИИ В КОНЦЕ 1920-х – СЕРЕДИНЕ 30-х гг.

Потеря надежды в среде русских эмигрантов в Болгарии на скорое возвращение на родину, привело к созданию в конце 1920-х – середине 30-х гг. ряда новых организаций, поддерживаемых Нансеновским комитетом и Лигой Наций.

Одной из самых важных тенденций в их развитии является адаптация русских беженцев к болгарским условиям, хотя они надеялись, что временно проживают в Болгарии и в конечном счете вернуться на родину.

К сожалению, архивы, связанные с их деятельностью были изъяты советскими войсками, при их выводе из Болгарии в 1947 году и до сих пор недоступны для исследователей. Сохранились только отдельные публикации в эмигрантской печати.

Сорокина Марина Юрьевна

Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына
Москва, Россия

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ, ЗАРУБЕЖЬЕ ИЛИ ДИАСПОРА? О ТРАНСФОРМАЦИИ ПОНЯТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

К концу 1990-х годов термин «соотечественники» закрепился как доминирующее инструментальное понятие российской государственной власти в отношении российской диаспоры. В «Декларации о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам» (принята Государственной думой РФ 8 декабря 1995 г.) наряду с ним появилось понятие «российская диаспора», а Федеральный закон «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» 1999 г. законодательно вернул в словарь властных структур термин «эмигранты». Таким образом российский законодатель постепенно возвращался к терминологии международного права при одновременном сохранении патриотической риторики.

Изменения в терминологическом словаре «государственного языка» имели важное значение и для профессионального научного, особенно исторического, сообщества в силу тесного переплетения всего спектра научных проблем миграций с актуальными вопросами современной российской внутренней и внешней политики и дискурсивными практиками власти. За прошедшие двадцать лет изучение русского зарубежья стало одним из самых модных на-

правлений российской гуманитарной науки, что выразилось прежде всего в увеличении количества защит диссертационных исследований по различным проблемам российской эмиграции и позволило некоторым историкам говорить о появлении нового направления в российской гуманитаристике - «эмигрантоведения», «эмигрантики». Между тем вопрос о праве на самостоятельное существование этого направления остается дискуссионным, а предметная область - весьма неопределенной, что находит отчетливое выражение в использовании самых разнообразных дефиниций для обозначения базового понятия.

В отличие от российских властных структур российские социологи, политологи, философы, этнографы, культурологи, историки используют широкие синонимические возможности русского языка и употребляют самые разнообразные слова и выражения как для названия самого исторического феномена перемещения населения и профессионально-конфессиональных групп, так и для описания и анализа российских миграционных процессов и потоков XVIII-XXI веков (российская эмиграция, русское зарубежье, Зарубежная Россия, литературное зарубежье России, российское научное зарубежье и др.). В последнее время, по мере восстановления влияния русской православной церкви в современной России, все более популярными и распространенными в заголовках научных исследований становятся библейские «исход» и «диаспора».

Неразработанность терминологического аппарата для описания истории диаспор, произрастающая, на наш взгляд, прежде всего из-за разрыва традиции профессиональной исторической культуры в России, - характерная черта современного российского историографического дискурса. Исследователи, вне прямой зависимости от общественных пристрастий, по-разному толкуют термины «эмиграция» и «зарубежье», «русское» и «российское», минимально рефлексируя по поводу их терминологического объема и содержания. Между тем, как известно, выбор языка описания самым прямым образом влияет на конструирование и объекта, и предмета исследования. Потеря чувствительности в нюансировке категориального аппарата, одного из важнейших инструментов историка, неизбежно приводит к концептуальной ограниченности и прямому искажению фактов исторического прошлого.

В то же время проблемы истории российской диаспоры по-разному трактуются российскими и зарубежными историками. Если российские исследователи рассматривают ее как неотъемлемую составную часть «внутренней» истории Российской империи / СССР, как проблему «потерь» и «страданий», то зарубежные ученые в рамках своих национальных дискурсов акцентируют проблемы «помощи» и «вклада». Однако оба эти подхода страдают известным изоляционизмом и менее всего ориентируют исследователей на поиск исторических точек пересечения представителей диаспоры и метрополии, диаспоры и нового окружения.

Работа по изучению истории российского зарубежья XX в. далека от полного завершения; однако уже полученные результаты дают основания для переосмысления старых концептуальных подходов к анализу этого феномена, что в свою очередь должно заметно повлиять на более общие представления о советском прошлом и его преемственности имперской России. История российской эмиграции до сих пор не является естественной частью общенационального исторического дискурса и вряд ли скоро им станет; одна-

ко двадцать лет назад такую постановку вопроса в России невозможно было даже представить.

Стоянова Елена Викторовна

Ангелова Росица Жечкова

Шуменский университет им. еп. Константина Преславского

Факультет гуманитарных наук

Кафедра истории и археологии

РУССКАЯ ГИМНАЗИЯ В ШУМЕНЕ И ТРАДИЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ

С помощью исторического нарратива, базирующегося на не использованных до сего времени архивных материалах, а также на данных периодической печати и результатах проведенных по данной проблематике исследований, представляется возможным проникнуть в суть вопроса о создании и деятельности одной из самых крупных русских гимназий на территории Болгарского Царства в послевоенный период (1922-1934).

В истории русской послереволюционной эмиграции Болгария признана в качестве значительного ее центра в Европе. А город Шумен, расположенный на северо-востоке Болгарии, превращается в собирательный образ для раненых и инвалидов периода революции, для русских беженцев и солдат Деникинской армии, число которых превысило к 1923 году 2200 человек.

Основанная в 1921 году в Шумене русская колония создает ряд эмигрантских институций, одной из которых является Константинопольская (вторая) русская гимназия. Она размещается в здании, переданном ей безвозмездно местной властью, на месте дивизионной больницы. За время своего существования с 1922 по 1934 гг., несмотря на трудности бежанского и эмигрантского бытия, она утверждается как самое большое эмигрантское учебное заведение в Болгарии. В ней получают образование сотни русских детей со всей Болгарии. Она воспитывает подрастающее поколение, сохраняя русский национальный дух и способствуя его интеграции в новой Европе.

Стрепетова Галина Ивановна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

кафедра общего и славяно-русского языкознания

Волгоград, Россия

КИНООБРАЗ ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ТУРОВЕРОВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Сама по себе жизнь поэта Николая Тuroверова, одного из наиболее значительных представителей русской эмиграции первой волны, является ярким свидетельством трагедии последнего поколения «России, которую мы потеряли» - поколения людей, не по своей воле оказавшихся вне Родины, но, тем не менее, нашедших силы и возможности служить ей своей памятью и своим талантом. Чрезвычайно выразительны даже скупые строки энциклопедий, говорящие о том, что Туроверов Николай Николаевич – донской казак, русский и белый

офицер, участник Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн, проживший жизнь в России, Сербии и Франции, закончивший Сорбонну, служивший в Иностранном легионе в Северной Африке, участвовавший в боях против немецких войск на Сомме, а после войны работавший в парижском банке и развернувший активную деятельность, направленную на сохранение в эмиграции казачьей и русской культуры. При этом всю жизнь он писал и публиковал свои стихи, отмеченные ярким и самобытным талантом.

В первом десятилетии XXI века на российском телевидении демонстрировались два документальных фильма, в которых поэзия Николая Туроверова является практически одним из полноправных героев, стилиеобразующим компонентом киноповествования. Это «Казачья. Неразделенная любовь» из цикла «Русские без России», посвященного судьбам известных деятелей Белого движения, снятого Никитой Михалковым, и документальный исторический фильм Виктора Лисаковича «Анастасия», рассказывающий об удивительной русской женщине Анастасии Ширинской-Манштейн, которая маленькой девочкой покинула Россию, почти всю жизнь прожила в эмиграции в Тунисе и была на момент создания фильма последней живой свидетельницей гибели Русской эскадры, покинувшей Севастополь в 1920 году. Стихи Николая Туроверова звучат в исполнении авторов и героев фильмов, а образ его поэзии создается единством словесного, визуального и музыкального ряда киноповествования.

Суровцева Екатерина Владимировна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Российская академия естествознания

Москва, Россия

КРИТИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШТУДИИ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ (МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ ХРАПОВИЦКИЙ, Н.Е. АНДРЕЕВ, И.М. АНДРЕЕВСКИЙ)

На кафедре теории литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова идёт работа над словарём «Русские литературоведы XX века». В этот словарь было решено включить не только собственно литературоведов, но и критиков, философов, богословов, лингвистов и даже политиков, перу которых принадлежат критико-литературные труды. Так, в словарь вошли такие авторы, как В.И. Ленин, С.Л. Франк, В.Ф. Ходасевич и многие другие. Мы же ставим себе задачей рассказать о таких фигурах, как митрополит Антоний Храповицкий, Н.Е. Андреев и И.М. Андреевский, религиозных мыслителей, вошедших в словарь благодаря своим интереснейшим работам по русской литературе.

Митрополиту Антонию принадлежат такие исследования, как «Словарь к творениям Достоевского» (София, 1921), «Ф.М. Достоевский как проповедник возрождения» (Нью-Йорк, 1965, издано посмертно), «Пушкин как православный мыслитель» (Белград, 1929). В своих проповедях он обращался также к фигурам Вл. Соловьёва и Л.Н. Толстого. Отметим, что позже в России и русской эмиграции было распространено мнение, что Алёша Карамазов в романе

Достоевского был написан с юного Антония; однако они не были лично знакомы. Н.Е. Андреев, вошедший в историю русской эмиграции прежде всего как историк-медиевист, выступил как автор статей по современной ему русской (как советской, так и эмигрантской) литературе («О новой русской литературе», 1931; «Русская литература в 1931 г.», 1932; «Об особенностях и основных этапах развития русской литературы в эмиграции», 1972 и др.). Кроме того, он выступил в Таллинне с циклом лекций «Русская литература после революции», прочитанном в Русском народном университете. И.М. Андреевский – автор книги «Очерки по истории русской литературы XIX века» (1968). В работах перечисленных нами авторов нашли своё отражение их религиозные и философские воззрения.

Суханек Люциан

Polska Akademia Umiejętności

Uniwersytet Jagielloński

Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych

Instytut Rosji i Europy Wschodniej

Краков, Польша

МЕСТО АНТРОПОЛОГИИ В ЭМИГРАНТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Исследования эмиграции ведутся с точки зрения различных научных дисциплин. Особенно важной в этом контексте является антропология, философия человека. Она позволяет описать экзистенциальную ситуацию личности в травме, как антропологической, так и культурной. Как утверждают представители персонализма, человек не является монадой, он не изолирован от мира ни экзистенциально, ни аксиологически, он входит в отношения с действительностью, которые охватывают оба онтических пространства: материальное и душевное. В эмиграции межчеловеческая коммуникация выглядит иначе, чем в метрополии, она более сложная и поэтому для эмигранта МЫ начинает только формироваться. Участие в эмигрантском обществе может быть статически-пассивное или активно-динамическое. Он чувствует потребность существования в стабильном обществе, с сетью упорядоченных реляций. Только в такой нише возможно психическое и личностное развитие. Эмигрант ищет интерперсональных контактов, он хочет идентифицироваться с единицами, существующими в аналогической бытовой ситуации. Для своей идентичности он ищет места в обществе, в профессиональных группах и политических организациях.

Тарасьев Андрей Витальевич

Белградский университет
филологический факультет
Белград, Сербия

**РУССКИЕ ДУХОВНИКИ В СЕРБИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(1920–1940 гг.)**

В огромной массе русских беженцев после Крымской катастрофы Белой Армии, оказалось большое число духовных лиц: архиереев, священников, монахов, монахинь и других деятелей, связанных с Церковью.

Особенно радушно (благодаря тогда еще Митрополиту Димитрию, митрополиту Варнаве и епископу Досифею, а также и регенту Александру Карагеоргиевичу) они были приняты в Сербии. Многие из них внесли крупный вклад в развитие духовности и церковности на своей новой родине. В нашем докладе будет рассказ о схиархимандрите Амвросии, возобновившем монастырь Мильково (откуда вышли Св. Иоанн архиепископ Шанхайский, блаженный Авва Тадей и многие другие выдающиеся духовники). Если время позволит второй рассказ был бы о схиигумении Екатерине (Ефимовской), которая возобновила монастырь Хопово, из которого со временем «отроилось» около 30 женских монастырей, что являлось возобновлением женского монашества в Сербии, исчезнувшего за годы турецкого владычества.

Терзич Богдан

Белградский университет
филологический факультет
кафедра славистики
Белград, Сербия

**РОЛЬ КСЕНИИ МИХАЙЛОВНЫ МАРЧЕТИЧ (1895–1978)
В ПРОЦЕССАХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В СЕРБИИ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В настоящем докладе, на основании архивных материалов и личных воспоминаний освещается жизнь и деятельность одного из видных представителей русской эмигрантской интеллигенции – Ксении Михайловны Марчетич. Основное внимание уделяется месту и роли этого прекрасного преподавателя русского языка в процессах становления обучения русскому языку в Сербии после Второй мировой войны, во время когда началось с азов. Будучи всесторонне образованным филологом-славистом, она с большим успехом передавала свои знания слушателям в гимназиях и высших школах, на различных курсах, в частности на курсах по повышению квалификации преподавателей русского языка. Сербские русисты выражают ей благодарность за все, что она сделала для сербской русистики.

Трибунский Павел Александрович

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына
отдел литературы и печатного дела Российского Зарубежья
Москва, Россия

**СТАНОВЛЕНИЕ ШКОЛЫ РОССИЕВЕДЕНИЯ ПРИ ЛИВЕРПУЛЬСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ И РОССИЙСКОЕ НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ**

Институционализация руссиеведения в Ливерпульском университете стала результатом целенаправленной деятельности историка Б. Пэрса (B. Pares) при содействии руководства факультета искусств и активном участии делового сообщества города. В 1906 на факультете был учрежден пост лектора по новой русской истории, в 1907 – организована Школа руссиеведения, финансирующаяся из частных средств и функционировавшая под академическим контролем университета, в 1908 – на факультете была создана кафедра русской истории, языка и литературы имени Д.Л. Боуза. Пост лектора и профессора последовательно занял Пэрс.

Изучение России Пэрсу виделось не только как знакомство с языком, но и с историей, литературой, экономикой, учреждениями. В первый, наиболее активный период деятельности школы (1907–1918), Пэрс инициировал учреждение должностей лекторов по русскому языку (1909), русской литературе (1910), по истории русского права и учреждений (1911), и исследовательских стипендий по русской этнографии (1910), по экономическим условиям России (1910), западнославянской истории и литературе (1913).

Столь обширные учебные и научные планы не могли быть реализованы исключительно путем привлечения британских кадров. Начинания Пэрса с первых шагов поддержал видный представитель российского научного зарубежья в Великобритании – профессор Оксфордского университета П.Г. Виноградов. Исключительно представителями российского научного зарубежья были замещены должности лекторов по русскому языку (Б. Лебедев, 1909–1910, М.В. Трофимов, 1910–1915, В. Гудин, 1915–1918), по русской литературе (М.В. Трофимов, 1910–1915), исследовательская стипендия по экономическим условиям России (В.Ф. Гефдинг, 1910–1912, А.Я. Бабков, 1912–1913).

Отвечавшие высоким требованиям к квалификации и благонамеренности представители российского научного зарубежья внесли весомый вклад в развитие школы прежде всего на преподавательском поприще.

Тяпков Илья Сергеевич

Представительство Россотрудничества в Белграде
Белград, Сербия

**«ЕСМЬ СЛАВЯНИН И ПРЕБУДУ ИМ»: СЛАВЯНСКОЕ ЕДИНСТВО
В ТВОРЧЕСТВЕ К. БАЛЬМОНТА ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ**

Наследие К. Бальмонта к настоящему времени возвращается в литературоведческую и культурологическую сферу во всём его многообразии, в том числе и в такой, на первый взгляд, «далековатой» для «солнечного поэта» области, как идеи «славянского единства» и «славянской политики».

Неопубликованная в России книга Бальмонта «Душа Чехии в слове и деле. Поэтические оценки и образы» (Капбретон, 1931) открывает новые пласты не только поэтологических воззрений её автора, но и его политико-философских взглядов на не утрачивающую своей актуальности тему славянского единства.

Данная тема, спорадически привлекавшая внимание Бальмонта с начала XX в., вышла на авансцену бальмонтских интересов в период его эмиграции, когда поэт начал активно изучать польский, чешский, сербский, болгарский и др. славянские языки, увлёкся культурой и литературой славянских стран.

С конца 1920-х гг. Бальмонт постоянно сотрудничал в газете «Россия и славянство» (Париж), стремившейся к достижению славянского единства путём сближения России и славянства. В этой газете он опубликовал в 1928-1934 гг. свои переводы сербских народных песен, в том числе народного эпоса Марко Королевича. В 1929г. в Белграде вышла книга оригинальных стихотворений Бальмонта «В раздвинутой дали». В том же году поэт по приглашению председателя Русского культурного комитета академика Александра Белича, выдающегося сербского лингвиста, председателя Сербской Академии наук, посетил Белград, где прочитал в Русском научном институте лекцию о проблемах современного русского литературного языка.

Поездка Бальмонта широко освещалась в местной прессе (См. Бурић О. Руска литерарна Србија 1920 – 1941 (писци, кружоци, издања), Горњи Милановац – Београд, 1990).

Активная разработка славянской проблематики была продолжена Бальмонтом и позднее, в 1930-е гг. на широком материале творчества польских, чешских, болгарских и литовских поэтов (Литву Бальмонт включал в ареал славянской культуры). Результаты этой огромной работы изучены недостаточно и требуют детального компаративистского исследования и в поэтологическом, и в самых широких культурологических контекстах.

Ульянкина Татьяна Ивановна

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН;
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына
Москва, Россия

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПРОФ. М.М. НОВИКОВА В ПРАГЕ

В начале XX века Чехословакия стала второй страной после Франции, где сосредоточилось самое большое число ученых – естествоиспытателей из числа русских эмигрантов. Членами «Зоологического семинара» при Русском народном университете (РНУ) и Чешском Карловом университете были более 25 человек: проф. А.Т. Васильев, проф. А.В. Старков, проф. А. Мразек, приват-доцент Б. А. Шкафф, д-р С.Ф. Кончек и Ф.Ф. Кончек, д-р С.Н. Литов, д-р А.А. Оглоблин, С.А. Егунова, М. Е. Блинов, В. Д. Владыков, К. И. Гаврилов, С.А. Грабье, Г.В. Киенский, Е.Е. Малик, С.И. Новицкий, Л.В. Черношвитов, Н.А. Штерн, Г.В. Шур, Б.Л. Станиславский, И.В. Емельянов, Н.А. Емельянова, С.А. Мокржецкий и др. Председателем семинара был проф. М.М. Новиков, секретарями Б.А. Шкафф и А.А. Оглоблин.

Организационной основой Зоологического семинара стал научный Кружок русских зоологов в Праге, созданный 13 апреля 1923 г. при РНУ выдающимся

русским зоологом, ректором РНУ, проф. М.М. Новиковым для взаимного сближения русских и чешских зоологов, находящихся в Ч.С.Р. Спустя год, 25 июня 1924 г. кружок был преобразован в Русский зоологический семинарий и принят в Отделение естественных и агрономических наук Учебной Коллегии РНУ, а в 1925 г. реорганизован в Семинар(ий) по общим вопросам естествознания, этнографии и евгеники. После отъезда М.М. Новикова в Братиславу (1939) им стал руководить проф. - ботаник В.С. Ильин, избранный тогда же ректором РСУ.

В 1921–1935 гг. русские зоологи- эмигранты Праги и Парижа включились в работу Попечительского комитета по защите Русской Зоологической станции в Вильфранш-сюр-мер (Франция). Проф. М.М. Новиков, избранный председателем комитета, привлек к его деятельности ученых Чехословацкой, Белградской, Польской и Болгарской Академий наук и проделал огромную организационную работу для создания Славянского научного центра. В докладе будут использованы уникальные архивные материалы Дома Русского Зарубежья им. Александра Солженицына в Москве, касающиеся деятельности ученых Попечительского комитета Русской Зоологической станции (Ф. 69, оп. 2).

Успенская Эниса

Университет искусств в Белграде
факультет драматического искусства;
Университет в Нови-Саде
философский факультет
отделение славистики
Белград, Сербия

ДОСТОЕВСКОВЕДЕНИЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ В СРЕДЕ СЕРБСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО АВАНГАРДА

Общий обзор темы: «русские эмигранты о Достоевском».

Вклад русских эмигрантов «белградского круга» в общем (мировом) достоевсковедении.

Публикации о Достоевском и другие мероприятия в связи с Достоевским в двадцатые-тридцатые годы в среде русской эмиграции в Сербии.

Влияние достоевсковедения русских эмигрантов на формирование достоевсковедения в сербских литературных и литературоведческих кругах.

Значение Достоевского для европейского авангарда и новых литературных направлений в междувоенное время.

Достоевский в контексте сербского литературного авангарда.

Хисамутдинов Амир Александрович
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ (АТР): К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ

Так как русский язык и культура являются основой не только для общения выходцев из России различных национальностей, но и скрепляющим фундаментом подавляющего числа иммигрантов, было решено выделить отдельный термин – российская диаспора автор рассматривает на двух уровнях - большая русская община и малая русская община. К первой нужно отнести общины, которые характерны наибольшим количеством иммигрантов, как правило, более трех - пяти тысяч взрослого населения. В них имеется большой процент централизации, широкий диапазон политической и общественной жизни. Как правило, они имеют несколько периодических изданий, которые конкурируют друг с другом, православных приходов разных юрисдикций и т.д. Малые русские общины ведут более замкнутый образ жизни. Их общественный интерес замыкается в основном на благотворительности и религии. Общественная жизнь ведется вокруг православных приходов, играющих роль своеобразных социальных клубов. В большинстве из них нет русских периодических изданий, если не считать приходских информационных листков. В общественном значении все русские общины в Азиатско-Тихоокеанском регионе напоминают сообщающиеся сосуды. Подавляющее большинство событий находило отражение в различных общинах Китая или Америки. В то же время изменения в политической жизни мира влияли на жизнь русских общин (первая мировая, гражданская, вторая мировая и «холодная» войны). Под термином «российская эмиграция (эмигрант)» понимаются граждане, уехавшие из Российской империи или Советского Союза на постоянное местожительство в другую страну. Российская иммиграция (иммигрант) – это въехавшие на постоянное жительство в США или другие страны. Анализ статистико-демографических сведений в АТР изменяет принятое понятие волн перемещения граждан Российской империи и СССР. С середины 19 века первая волна российской эмиграции; вторая волна (1922 – 1941), третья после войны (1945).

Цонева Лиляна

Великотырновский университет им. Св. Кирилла и Мефодия
кафедра русистики
Велико Тырново, Болгария

ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ НОВОЙ ЭМИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Предмет исследования в работе – новая эмиграция из России (обозначаемая чаще всего как *пятая волна* эмиграции) и особенности ее освещения в дискурсе современных российских СМИ.

Источником текстов для анализа являются центральные печатные СМИ разной политической направленности – газеты «Труд», «Московский комсомо-

лец», «Новая газета», «КоммерсантЪ», «Комсомольская правда» и др., журналы «Огонек», «Деньги», «Новое время» (“The New Times”), «Итоги» и др.

Важной и актуальной для современного общества теме эмиграции из России посвящаются тексты разных жанров, причем особый интерес представляют аналитические жанры, в том числе интервью с политиками, учеными, журналистами, деятелями культуры.

К основным вопросам, которые анализируются в рассмотренных нами текстах, можно отнести следующие: этапы русской эмиграции; количество, социальный и возрастной состав современной эмиграции; причины эмиграции; направление эмиграции; особенности современной эмиграции; жизнь русских диаспор; отношение к эмиграции в России и т.д.

Специальное внимание в работе уделяется и языковым особенностям текстов об эмиграции. Интерес в этом плане представляют новая, расширенная сочетаемость слова эмиграция (белая, современная, новая, тихая, русскоязычная, экономическая, научная, колбасная, брежневская, путинская и т.д.), метафора волна эмиграции, а также различные языковые средства создания экспрессивности как основной характеристики современных СМИ (например, проявления языковой игры - окказиональные слова, трансформации цитат и фразеологизмов и т.д.).

Чурич Бобан

Белградский университет
филологический факультет
кафедра славистики
Белград, Сербия

ЗАПИСКИ РУССКОГО НАУЧНОГО ИНСТИТУТА В БЕЛГРАДЕ

Цель настоящей работы – представить важнейшую периодическую публикацию основанного в 1928 году белградского Русского научного института. За одиннадцать лет, с 1930 по 1941 год, вышло 17 выпусков *Записок Русского научного института в Белграде* (последние два выпуска, 16-ый и 17-ый, в одном томе). Труды ученых всего русского зарубежья публиковались по следующему принципу: нечетные выпуски представляют научные исследования по гуманитарным наукам, четные – по естественно-математическим и техническим наукам. Представленные в *Записках* труды чаще всего являются публикациями докладов, сообщений или лекций, прочитанных на заседаниях Института. Всего в *Записках* опубликовано 189 трудов выдающихся ученых-эмигрантов, в том числе П.Б. Струве, Ф.В. Тарановского, А.Л. Погодина, Е.В. Аничкова, С.Л. Франка, Н.О. Лосского, Е.В. Спекторского, А.А. Кизеветтера, В.В. Зеньковского и многих других.

В центре внимания нашего исследования – выпуски, посвященные гуманитарным наукам, их статьи и авторы.

Шаханова Антонина Альбертовна

Научно-исследовательский музей
Российской академии художеств
Санкт-Петербург, Россия

«ЗА ИЗВЕСТНОСТЬ НА ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПОПРИЩЕ...»:
ШТРИХИ К БИОГРАФИИ Л.М. БРАИЛОВСКОГО (1867–1937)
ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ АРХИВОВ

Имя Л.М. Браиловского (1867–1937), русского архитектора, художника-акварелиста, сценографа, декоратора, давно и широко известно в искусствоведческих кругах Сербии. Приглашение художника для работы в Белградском театре в начале 1920-х годов имело под собой вескую основу.

В 1894 году он окончил архитектурное отделение Императорской Академии Художеств со званием классного художника архитектуры 1-й степени. С 1898 года служил преподавателем архитектуры в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, а в 1899 году стал преподавателем Строгановского училища. Создавал декорации к многочисленным спектаклям в Малом и Большом театрах в Москве.

Л.М. Браиловский участвовал во многих архитектурных проектах, но наибольшую известность получил как художник-аквалерист, создавая акварели с видами архитектурных памятников различных городов России и стран Западной Европы. Член многих художественных обществ рубежа XIX - начала XX вв., участник многочисленных выставок. Последний архитектор, удостоенный звания академика в императорский период российской истории. В 1918 году из Крыма эмигрировал в Константинополь, далее в Белград и Рим.

К его творческой биографии в разные годы обращались многие белградские исследователи (О. Миланович, Н. Мосусова, А. Арсеньев, М. Павлович, И. Суботич и др.). К сожалению, по ряду сложившихся обстоятельств, в русских кругах это имя на протяжении многих десятилетий замалчивалось, став в конечном итоге малоизвестным. Тем не менее, в ряде архивов различных городов России сохранились немногочисленные упоминания о его жизни и художественной деятельности.

Выступление посвящено различным этапам творческого пути архитектора. Предлагаемый доклад познакомит слушателей с новыми материалами биографии Л.М. Браиловского, собранными в архивах и музеях России, а также представит собрание его работ из фондов Научно-исследовательского музея Российской академии художеств (Санкт-Петербург).

Шпекуляк Мато

Общество русского языка и культуры

Загреб, Хорватия

**ОПЫТ ХОРВАТСКОГО ОБЩЕСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В
ОЗНАКОМЛЕНИИ ХОРВАТСКИХ ГРАЖДАН
РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ С ХОРВАТСКИМ ЯЗЫКОМ И
ХОРВАТСКОЙ КУЛЬТУРОЙ**

Хорватское Общество русского языка и культуры из города Загреба является общественной организацией имеющей своей целью как продвижение и популяризацию русского языка и культуры среди хорватов, так и популяризацию хорватского языка и культуры среди русских.

Очень малому проценту русских в Хорватии (чаще всего это русские женщины, вышедшие замуж за хорватов) удается настолько хорошо овладеть хорватским языком, что трудно при этом узнать носителя русского языка как родного.

Большую трудность вызывает овладение русскими хорватским ударением, тем более что нормативный хорватский язык все еще настаивает на четырех типах ударения (краткое и долгое восходящее, краткое и долгое нисходящее), мало кто произносит «заударную долгую гласную».

Одной из причин трудностей в усвоении русскими хорватского языка является родственность обоих языков, которая создает впечатление и даже мнение, что не стоит особо изучать хорватский язык потому что, вроде бы, и так более или менее «все понятно».

Что касается культурного компонента, мы на этом плане только начинаем набирать опыт. Во-первых, указывая нашим русским друзьям на некоторые черты менталитета среднего хорвата, которые для «типичного русского», тем более «русского, успешно прожившего девяностые годы в России» немножко непонятны.

Непросто русским в Хорватии разобраться и в хорватско-сербских отношениях. Приходится убеждать, что «вопрос употребления кириллицы» в городе Вуковаре не вопрос письма и какой-то иррациональной ненависти хорватов к кириллице, а – политический вопрос, последствие травм военного периода, кстати травм на обеих сторонах, и хорватской и сербской.

В общем, нами не замечены какие-то особые проблемы культурной интеграции русских в хорватское общество.

Элиаш Антон

Университет им. Коменского в Братиславе
философский факультет
кафедра русского языка и литературы
Братислава, Словакия

НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ НА ФИЛОСОФСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. КОМЕНСКОГО В БРАТИСЛАВЕ

В статье рассматривается деятельность представителей русского зарубежья – университетских профессоров Евгения Юльяновича Перфецкого, Валерия Александровича Погорелова, Петра Григорьевича Богарытева, Николая Онуфриевича Лосского и Александра Васильевича Исаченко на Философском факультете Университета им. Коменского в Братиславе как с точки зрения их вклада в формирование методологических основ научно-исследовательской работы в тех отраслях науки, которые помогали развивать, так и с аспекта их педагогической работы, посвященной подготовке первых поколений выпускников философского факультета брастиславского университета.

Профессор Е.Ю. Перфецкий работал на философском факультете с 1922 по 1947 г. В центре его научных интересов стояло исследование истории Прикарпатской Руси и словацко-польско-русских отношений.

Профессор В.А. Погорелов принадлежал к виднейшим представителям брастиславской университетской славистики с 1923 по 1944 г. Его научные труды положили начало словацкой русистике и способствовали изучению древних памятников славянской письменности.

Профессор П.Г. Богатырев, работавший на факультете с 1936 по 1939 г., внес значительный вклад в развитие словацкой этнологии. Как представитель функционального структурализма он оказал значительное влияние на формирование методологической ориентации научно-исследовательской работы словацких этнологов.

Профессор Н.О. Лосский вел на факультете курсы по философии с 1942 по 1945 г. Его научные труды, разрабатывающие принципы интуитивного реализма, вызвали оживленную академическую полемику, в которой формировались методологические основы словацкой философии.

Профессор А.В. Исаченко работал на брастиславском философском факультете с 1944 по 1955 г. Как лексикограф, морфолог и знаток русской классической литературы он внес решительный вклад в формирование словацкой лингвистической и литературоведческой русистики и стал одним из основоположников словацкой школы художественного перевода.

Међународна конференција
РУСКО РАСЕЈАЊЕ И СЛОВЕНСКИ СВЕТ: КУЛТУРОЛОШКИ АСПЕКТ
(Београд, 10–11. јуна 2013)

Тезе реферата

Издавач

Славистичко друштво Србије
Београд, Студентски трг 3
www.slavistickodrustvo.org.rs

За Издавача

Петар Буњак

Штампа

Графичар д.о.о.
31205 Севојно, Горјани б.б.
www.graficar-vule.rs

Тираж

150

Одржавање скупа подржали су:
Фонд „Руски свет“ (Фонд «Русский мир»)
Филолошки факултет Универзитета у Београду